

Д. МЕРЕЖКОВСКИИ

БУДЕТЪ
РАДОСТЬ

ИЗД-ВО
„ОГНИ“
1916

Д. МЕРЕЖКОВСКИИ

БУДЕТЪ
РАДОСТЬ

ПЬЕСА ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ИЗД-ВО
„ОГНИ“

ПЕТРОГРАДЪ

Дозволено военной цензурой. Петроградъ, 13 августа 1916 г.

Типографія Птгр. Т-ва Печатн. Производства, Лиговская, 57.

**ПАМЯТИ
ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ
ФЛОРЕНСКОЙ**

Портретъ работы Т. Н. Гиппиусъ.

БУДЕТЬ РАДОСТЬ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Сергѣевичъ Краснокутскій, земскій дѣятель, 56 лѣтъ.

Федоръ Ивановичъ, студентъ медикъ, 28 лѣтъ.

Григорій Ивановичъ, студентъ математикъ, 23 лѣтъ.

Федоръ и Григорій—сыновья Ивана Сергѣевича отъ перваго брака.

Татьяна Алексѣевна, вторая жена Ивана Сергѣевича, 29 лѣтъ.

Катя, курсистка, 25 лѣтъ.

Домна Родіоновна, мать первой жены Ивана Сергѣевича, 79 лѣтъ, почти слѣпая.

Пелагея, послушница, 24 лѣтъ.

Мавра Кузьминишна, старая няня.

Дѣйствіе происходитъ въ наши дни въ Россіи.

Дѣйствіе первое.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Старинная усадьба Александровскихъ временъ, близъ уѣзднаго города.
Терраса съ колоннами. Садъ. Внизу рѣка. За нею монастырь и фабрика.
Вечеръ.

I.

Домна Родіоновна и Пелагея.

Пелагея ведетъ Домну Родіоновну за руку и
усаживаетъ на скамейку.

Домна Родіоновна.

Въ обители благовѣсть, что ли?

Пелагея.

Въ обители, матушка. Служба нынче поздня,
съ поліелеемъ да кондаками Владычными.

Голоса (*на дорогѣ, за заборомъ сада, поютъ подъ звуки
гармоникки*).

У насъ ножички точены,
Гири кованныя.
Мы ребята удалые,
Практикованные...

Домна Родіоновна.

Вишь, черти горло деруть. Слободскіе, что ли?

Пелагея.

Слободскіе, матушка, фабричные. Съ бабами да съ дѣвками, изъ кабака въ кабакъ шляются. Пьянымъ-пьяно!

Домна Родіоновна.

Тьфу, окаянные! Люди въ церковь, а они въ кабакъ.

Голоса.

Мы урядника убили,
Станового бить идемъ.
Вся полиція знакома,
Губернаторъ нипочемъ...

Пелагея.

Озорники, охульники! Вотъ нынче лѣса-то въ уѣздѣ горять: все они, слышь. Того и гляди, весь городъ спалятъ. Одно слово—революцѣонеры!.. Охъ-охъ, матушка, кончина вѣку сему... О летунахъ-то этихъ намедни старецъ пророчествовалъ...

Домна Родіоновна.

О какихъ летунахъ?

Пелагея.

Да вотъ, что на машинахъ-то—какъ ихъ, еро-

плантахъ, что-ли,—летаютъ по воздуху. У святыхъ отцовъ писано: превознесетъ сынъ погибели, челоуѣкъ беззаконія паче всѣхъ глаголемыхъ властей и прельститъ народы чудесами ложными—возьметъ крылѣ и взыдетъ на небо. А Господь и поразитъ его, змія древняго, убьетъ духомъ устъ Своихъ. Ну, а тамъ и кончина вѣку сему, свѣтопреставленіе... А вотъ и Гришенька...

Домна Родіоновна.

Какой Гришенька?

Пелагея.

Виновата, матушка, Григорій Ивановичъ.

Домна Родіоновна.

Ну, то-то же, смотри у меня, востроглазая!

II.

Домна Родіоновна, Пелагея и Гриша.

Домна Родіоновна.

Къ старцу ходилъ, Гришенька?

Гриша (*цѣлуя руку Домны Родіоновны*).

Да, отъ него, бабушка.

Домна Родіоновна.

Ну, что, какъ?.. Ступай Пелагея. Подожди внизу, у калитки. Да смотри, егоза, не подслушивай.

Пелагея.

Что вы, матушка! Развѣ я когда?.. Обижать изволите...

Домна Родіоновна.

Ну, ладно, ступай.

III.

Домна Родіоновна и Гриша.

Домна Родіоновна.

Что же старецъ?

Гриша.

Васъ, бабушка, слушаться велѣлъ во всемъ.

Домна Родіоновна.

Во всемъ? Такъ и сказалъ?

Гриша.

Да. И если что противъ совѣсти казаться будетъ, то все-таки...

Домна Родіоновна.

Видишь, Гришенька. Ну, такъ какъ же, мильненькій, о чемъ говорили-то намедни, сдѣлаешь?

Гриша.

Сдѣлаю. Если велите, то сдѣлаю. Но трудно мнѣ, бабушка, если бы вы знали, какъ трудно...

==== ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ. ====

Домна Родіоновна.

Знаю, родимый. Послушанія подвигъ труднѣе всего. А ты и потрудишься для Бога-то: что труднѣе, то Богу угоднѣе.

Гриша.

Бабушка, да, вѣдь, грѣхъ-то какой! Воровство, подлость, предательство... и противъ кого же?..

Домна Родіоновна.

Жаль стало брата?

Гриша.

Жаль? Нѣтъ... Вы же знаете: не люблю я его, врагъ онъ мнѣ. Да, вѣдь, то-то и подло, что врагъ: съ другомъ подло, а съ врагомъ еще подлѣе.

Домна Родіоновна.

Ну, спасибо на добромъ словѣ, внучекъ. Кто жъ тебя на подлость подбиваетъ? Мы со старцемъ что ли?

Гриша.

Не сердитесь, бабушка, милая. Не къ тому я сказалъ...

Домна Родіоновна.

Да ты, братъ, не виляй, не отлынивай. Говори прямо: не хочешь? Не сдѣлаешь?

Гриша.

Сдѣлаю. Какъ сказалъ, такъ и сдѣлаю.

Домна Родіоновна.

Объщаешься?

Гриша.

Объщаюсь.

Домна Родіоновна.

Ну, смотри же, помни. (*Послѣ молчанія*). А я Пелагеѣ скажу: дѣвка проворная, на всѣ руки мастеръ, да положиться нельзя—шельма. Ты за нею посматривай. Ключь-то досталъ ли?

Гриша.

Достану. У няни есть другой отъ того же замка.

Домна Родіоновна.

А письма гдѣ, знаешь?

Гриша.

Знаю. Когда переносили вещи въ павильонъ изъ дому, я съ братомъ бумаги укладывалъ.

Домна Родіоновна.

Ну, значитъ, ладно все. Спасибо, Гришенька.

А на счетъ грѣха, не испытай, смирись. Старецъ лучше нашего знаетъ. Бываетъ и грѣхъ во спасенье. Тутъ премудрость Божія тайная. Старцу-то вѣришь?

Гриша.

Вѣрю. Вамъ да ему только и вѣрю. Только васъ двое и есть у меня... Охъ, бабушка, милая, скорѣе бы къ вамъ совсѣмъ уйти отъ нихъ! Измучился я, усталъ, не могу больше...

Домна Родионовна.

Небось, миленькій, теперь ужъ недолго. Это тебѣ испытаніе послѣднее: какъ совершишь, одолѣешь,—такъ и уйдешь отъ нихъ. вмѣстѣ уйдемъ. „Изыдите, изыдите, людіе Мои, изъ Вавилона“. Уйдемъ отъ безбожниковъ. Въ ущеліяхъ да пропастьхъ земныхъ скрываться будемъ, а имъ не дадимся... Смотри же, блюди себя, внучекъ, отъ соблазна ихняго, отъ премудрости діавольской. Премудрые, ученые, „образованные“! Вонъ, вѣдь, и ты все книжки читаешь, въ университетѣ учишься, по стихіямъ міра сего ищешь премудрости. А мы люди простые, темные. Можетъ, тебѣ и не пара?

Гриша.

Нѣтъ, бабушка, этого не бойтесь,—чего другого, только не этого. Я же знаю ихъ, вижу насквозь: пустое все у нихъ, гнилое, трухлявое. Вотъ какъ волчья яма: сверху покрыто, а ступишь ногой и провалишься.

Домна Родионовна.

У насъ-то покрѣпче?

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гриша.

Да, крѣпкое у васъ, крѣпкое, вѣчное! Оттого къ вамъ и иду.

Домна Родіоновна.

Такъ будешь съ нами?

Гриша.

Съ вами, бабушка, съ вами на вѣки вѣковъ!

Домна Родіоновна.

Аминь! (*Встаетъ и кладетъ ему руки на голову*). Спаси тебя Господи! Заступи, помилуй Матерь Пречистая! (*Послѣ молчанія*). Ну, ступай, Гришенька, а то какъ бы не увидѣлъ кто. Скличь-ка Пелагеюшку.

Гриша.

Пелагея, Пелагея Савишна!

Пелагея выходитъ изъ-за кустовъ,—видно, что подслушивала,—уводитъ Домну Родіоновну. Иванъ Сергѣевичъ идетъ изъ сада. Мавра накрываетъ на террасѣ столъ къ чаю.

IV.

Иванъ Сергѣевичъ и Гриша.

Иванъ Сергѣевичъ.

А, Гриша, здравствуй. Мы, вѣдь, съ тобой се-

==== ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ. ====

годня не видались. Опять у старца весь день?.. А это что у тебя? (*Беретъ у Гриши книгу*). *Pensées de Pascal*. Старцу, что-ли, носиль?

Гриша.

Да, старцу.

Иванъ Сергѣевичъ.

А онъ по-французски развѣ читаетъ?

Гриша.

Что вы! Университетъ кончилъ...

Иванъ Сергѣевичъ.

Ахъ, да, ученый,—я все забываю... Ну, что-жъ понравилось?

Гриша.

Папа, зачѣмъ? Вѣдь, вамъ неинтересно вовсе...

Иванъ Сергѣевичъ.

Нѣтъ, отчего же? Умный человѣкъ...

Гриша.

А „съ умнымъ человѣкомъ и поговорить пріятно“, по Смердякову?

Иванъ Сергѣевичъ.

Ну, вотъ, и Смердяковъ! Чего же ты сердишься? Я, вѣдь, по-просту... А, впрочемъ, Богъ съ тобой—не хочешь, не надо...

Гриша.

Нѣтъ, папа, милый, я не сержусь, а только трудно мнѣ съ вами объ этомъ... А насчетъ Паскаля, старецъ говоритъ: книга хорошая, но нельзя смѣшивать вѣру съ вѣроятностью—„держать пари на Бога“...

Иванъ Сергѣевичъ.

А, вѣдь, и правда, нельзя... Мавра, что-жъ самоваръ?

Голосъ Мавры (*изъ окна*).

Кипить, батюшка. Сейчасъ несу.

Иванъ Сергѣевичъ.

Оеда, Таня, Катя! Чай пить! Экіе, право—опять запропалились—не докличешься.

Голоса (*изъ дому*).

Идемъ! идемъ!

Иванъ Сергѣевичъ.

А вечеръ-то какой, воздухъ! (*Заглядываетъ черезъ окно въ комнату*). Катя, а, Катя, будетъ вамъ сту-

==== ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ. ====

коть,—опять до мигрени достукаетесь. Если-бы я зналъ, что вы такая рьяная, ни за что бы не взялъ въ секретари.

Голосъ Кати.

Сейчасъ, Иванъ Сергѣевичъ. Только страницу кончу.

(На террасу выходятъ Θεодоръ и Татьяна Алексѣевна; потомъ Катя.)

V.

Тѣ-же и Θεодоръ, Татьяна Алексѣевна и Катя. Садятся за столъ. Мавра—съ самоваромъ.

Иванъ Сергѣевичъ.

А гдѣ же караси, Мавра?

Мавра.

Будутъ, батюшка, мигомъ поспѣютъ.

Иванъ Сергѣевичъ.

Ну, смотри же, не ударь лицомъ въ грязь! (*Мавра уходитъ*). Самъ наловилъ, Θεодю угощаю. Онъ, вѣдь, нынче карасей нашихъ калитинскихъ еще не пробовалъ. Ахъ, хороши карасики! Ежели, послѣ купанія, вотъ какъ я сейчасъ, караси въ сметанѣ на сковородкѣ, съ лучкомъ да съ перцемъ, да водочки,—нектаръ и амброзія! Что ты, Θεдя, смѣешься?

Федоръ.

Вкусно вы, папа, живете!

Иванъ Сергѣевичъ.

Вкусно живу? Да, братъ, не то, что вы, нынѣшніе! А ты не мудри, брось метафизику и тоже вкусно заживешь... А мы о тебѣ сегодня опять все утро съ Катей проспорили.

Федоръ.

Обо мнѣ?

Иванъ Сергѣевичъ.

Ну да, о статьѣ твоей въ „Психіатрическомъ Вѣстникѣ“, о „Философіи самоубійства“.

Федоръ.

Ну, и что же?

Иванъ Сергѣевичъ.

Да что? Катя говоритъ: вѣрно или почти вѣрно. А я говорю: вздоръ. Да ты не обижайся, братъ! Не дуракъ же я: понимаю, что умно, блестяще, талантливо, ну, и этой самой премудрости вашей медицинской бездна, а все-таки вздоръ, вздоръ и вздоръ! Книжно, отвлечено, нежизненно. Главнаго нѣтъ...

Федоръ.

Что же главнѣе? Ахъ, да, условія соціально-экономическія... Только я, вѣдь, это устранилъ нарочно.

Иванъ Сергѣевичъ.

Нарочно? Самоубійство внѣ условій соціальныхъ? Что ты говоришь, душа моя, подумай...

Федоръ.

Тутъ мало думать, папа. Тутъ надо знать, и не только вашу статистику...

Иванъ Сергѣевичъ.

Вотъ именно—знать надо! Оставь-ка на минуту свою метафизику, „веревка вервѣ простое“,—погляди, что у тебя подъ носомъ дѣлается. Какая-то чума, эпидемія! Кажется, ни въ одной странѣ, ни въ одну эпоху не бывало такого...

Федоръ.

Ну, такъ что-же? При чемъ тутъ соціальныя условія? Или „отъ хорошей жизни не полетишь?“ Устроятся люди получше—и самоубійства прекратятся?

Иванъ Сергѣевичъ.

А ты что думаешь?

Федоръ.

Я думаю: чѣмъ лучше люди устроятся, тѣмъ больше будетъ самоубійствъ. Начали только устраиваться—и самоубійства возростають и будутъ возрастать въ геометрической прогрессіи.

Иванъ Сергѣевичъ.

А ты, голубчикъ, не пророчествуй. Говори толкомъ, доказывай... И чего ты все усмѣхаешься? Вѣдь, это дѣло серьезное.

Федоръ.

Еще бы! А только статья-то моя не очень серьезная. Не могъ же я сказать всего въ этомъ дурацкомъ „Вѣстникѣ“: ученые ослы меня бы на смѣхъ подняли.

Иванъ Сергѣевичъ.

Ну, мы не ученые и не ослы, надѣюсь? Говори же все, не бойся.

Федоръ.

Увольте, папа. Не люблю я отвлеченныхъ разговоровъ: до добра не доводятъ. Вонъ Гриша на меня ужъ волкомъ смотритъ, да и Катя тоже. Катя вы на меня сердитесь?

Катя.

Нѣтъ, а только Иванъ Сергѣевичъ правъ: надо объ этомъ говорить серьезно или совсѣмъ не говорить. Тогда и печатать было не зачѣмъ.

Федоръ.

Пожалуй, не зачѣмъ. Я, впрочемъ, надѣялся, что кое-кто пойметъ и между строкъ— „безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ“... Вѣдь, вотъ вы же поняли?

К а т я.

Не все. Мнѣ ваша главная мысль непонятна.

Ф е д о р ъ.

Неужели? А какъ просто! Главная мысль въ томъ, что людямъ свойственно убивать себя не менѣе, а, можетъ быть, и болѣе, чѣмъ умирать такъ называемой естественной смертью. Звѣри умираютъ, люди убиваютъ себя. Одна изъ всѣхъ живыхъ тварей, человѣкъ сознаетъ смерть и можетъ убить себя и всегда убиваетъ, хотя бы только частично—трудомъ, болѣзнью, порокомъ, святостью, безумьемъ,—ну, словомъ, всѣмъ своимъ человѣчествомъ. И еще потому человѣкъ—самоубійца естественный, что тоже одна изъ всѣхъ тварей любить свободу больше, чѣмъ себя. А сдѣлать смерть вольною, убить себя, какъ слѣдуетъ, значить побѣдить страхъ смерти, начало всякаго рабства, „оказать своеволие въ высшемъ градусѣ“, какъ вѣрно опредѣляетъ Кириловъ у Достоевскаго.

И в а н ъ С е р г ѣ в и ч ъ.

Федя, родной! ты это серьезно?

Ф е д о р ъ.

Очень серьезно.

И в а н ъ С е р г ѣ в и ч ъ.

Да вѣдь Кириловъ—больной, сумасшедшій...

Федоръ.

Сумасшедшій? Нѣтъ, отчего же?.. А впрочемъ, если не хотите Кирилова, то вотъ вамъ профессоръ Мечниковъ, здравомыслящій въ высшей степени.

Иванъ Сергѣевичъ.

Мечниковъ! Вонъ куда хватилъ! Да, вѣдь, это совсѣмъ изъ другой оперы...

Федоръ.

Нѣтъ, изъ той же. Желаніе смерти, по Мечникову, такъ же нормально, какъ желаніе сна: усталый хочетъ спать—старый хочетъ умереть. Только здоровая старость наступаетъ въ въ 150, 200 лѣтъ. Но, вѣдь, ужъ это вопросъ біологіи, а психологически мѣра жизни отъ числа лѣтъ не зависитъ: Пушкины, Байроны въ тридцать лѣтъ прожили больше, чѣмъ другіе могли бы прожить въ двѣсти. Да и всякій, кто былъ хоть на минуту счастливъ, дѣйствительно счастливъ, кто хоть разъ въ жизни сказалъ; „остановись, мгновеніе!“—знаетъ эту послѣднюю грусть въ самомъ счастьи, предѣлъ желаній—тихой зовъ смерти... или „вѣчности“, какъ говорятъ поэты. Теперешнія самоубійства—отъ страха, отъ горя, отъ слабости—словомъ, отъ недостатка чего-то—почти такія-же рабскія, какъ животная смерть. Но придетъ время, когда люди будутъ умирать вольною, дѣйствительно вольною смертью—отъ избытка, отъ роскоши, отъ силы, отъ радости. Вотъ какъ пѣна вина, когда полонъ стаканъ, черезъ край переливается...

Татьяна.

Ахъ, какъ красиво!..

Федоръ.

Красиво? Неужели „красиво“?

Татьяна.

Ну, да. Чего же вы такъ испугались?

Федоръ.

Виноватъ, Татьяна Алексѣевна, но я боюсь „красиваго“, какъ чортъ ладана: „красиво“—значить не прекрасно и не безъ пошлости...

Ив. Серг.

А ты не груби дамамъ и не отвиливай, говори прямо, къ чему ведешь?

Федоръ.

Кажется, ясно: что для каждаго человѣка въ отдѣльности, то и для всего человѣчества...

Ив. Серг.

Стой, погоди! Что же именно? Когда всѣ будутъ счастливы, то убьютъ себя? Конецъ человѣчества—самоубійство всеобщее, такъ, что ли?

Федоръ.

А почему бы и не такъ? Надо же чѣмънибудь кончить. И отчего хорошій конецъ хуже „дурной безконечности“?

Ив. Серг.

Опять смѣешься?

Федоръ.

Нѣтъ, не смѣюсь.

Ив. Серг.

Ну, такъ спятиль, ей Богу, голубушка, спятиль, вмѣстѣ со своимъ Кириловымъ!

Федоръ.

Можетъ быть. Но, вѣдь, тогда и вся буддійская Азія, сотни милліоновъ людей...

Ив. Серг.

Къ чорту Азію! Мы въ Европѣ живемъ...

Федоръ.

Ну, и въ Европѣ—Шопенгауэръ, Толстой, современные теософы, средневѣковые мистики... Спросите-ка Гришу: онъ со своимъ старцемъ кое-что знаетъ объ этомъ... Гриша, а, Гриша, да что ты на меня такъ смотришь, право? Ужъ лучше сразу облегчи душу, изреки анаѹему. „Тихій бѣсъ“, что ли?

Ив. Серг.

Какой еще бѣсъ?

Федоръ.

А это ему старецъ намедни сказалъ, что во мнѣ „тихій бѣсъ, нѣмой и глухой“. Вотъ онъ и смотритъ на меня, какъ будто хочетъ изгнать бѣса...

Гриша (*вставая и блѣднѣя*).

Я бѣсовъ не изгоняю.

Федоръ.

А что же съ ними дѣлаешь?

Гриша.

Ничего. Въ лицо имъ плюю...

Федоръ.

О-го! Значить, и мнѣ въ лицо плюешь?

Гриша.

Ты хуже дѣлаешь: не въ меня, а въ мое святое плюешь... Какъ ты смѣешь! Какъ ты смѣешь!.. И что вы его слушаете? Развѣ вы не видите, что онъ надъ вами смѣется?..

Федоръ.

Послушай, Гриша. Нельзя любить другихъ больше, чѣмъ себя: если я надъ вами смѣюсь, то и надъ собой...

Гриша.

И надъ собой, и надъ собой! Надо всѣмъ! На все плюешь... Хулиганъ! Шутъ! Провокаторъ!

Ив. Серг.

Гриша! Гриша! Что ты... развѣ можно такъ?..

Гриша.

Папочка!.. если бы вы знали, папочка, какой все это ужасъ! Какой ужасъ! Господи! Господи! Господи!

(Гриша убѣгаетъ почти въ истерикѣ. За нимъ— Катя).

Татьяна (*вставая*)

Это, наконецъ, невыносимо! Богъ знаетъ что такое...

Федоръ.

Не волнуйтесь, Татьяна Алексѣевна. Гриша боленъ.

Татьяна.

А если боленъ, то лечиться надо. Есть же всему предѣлъ! И какъ вы позволяете, Иванъ Сергѣевичъ?..

(Татьяна тоже убѣгаетъ. Мавра—со сковородкою; ставитъ ее на столъ и уходитъ).

VI.

Иванъ Сергѣевичъ и Федоръ.

Ив. Серг.

Да, братъ, вотъ тебѣ и караси въ сметанѣ, вотъ тебѣ и „вкусно живемъ“! Видишь, Федя, всѣ мы тутъ какъ на пороховомъ погребѣ...

Федоръ.

Это я, папа. Спровоцировалъ его нечаянно. Закурилъ въ пороховомъ погребѣ. Ну, да ничего,—обойдется. Вѣдь, мы съ нимъ друзья... были, а, можетъ быть, и будемъ. Въ немъ тоже „тихий бѣсъ“, только другого рода...

Ив. Серг.

Да, боленъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, боленъ. А тутъ еще со своимъ старцемъ измучился... Надо съ нимъ осторожниѣе, Федя.

Федоръ.

Не бойтесь, папа. Сегодня мнѣ урокъ—не забуду.

Ив. Серг.

Ну, пойду, посмотрю, что съ нимъ.

(Иванъ Сергѣевичъ уходитъ. Федоръ идетъ въ садъ, садится на скамейку и, согнувшись, упершись локтями въ колѣни, опускаетъ голову на руки. Сумерки. Зарницы. Входитъ Катя.)

VII.

Федоръ и Катя.

(Катя идетъ съ террасы въ садъ и садится на скамейку рядомъ съ Федоромъ. Онъ ее не замѣчаетъ. Потомъ вдругъ подымаетъ голову).

Федоръ.

А, Катя, вы! А я и не слышалъ. Какая вы тихая! Ну, что, все еще сердитесь?

Катя.

Нѣтъ. За что? Какое мнѣ дѣло? (*Послѣ молчанія*). Федоръ Ивановичъ, развѣ вы не чувствуете, что есть вещи, о которыхъ нельзя говорить?

Федоръ.

„Мысль изреченная есть ложь“?

Катя.

Да, мысль изреченная есть ложь.

Федоръ.

Это ваша заповѣдь?

Катя.

Зачѣмъ вы все шутите?

Федоръ.

Шучу? Нѣтъ, Катя. А если и шучу, то на зло себѣ. Хочу плакать и смѣюсь. Какой-то „демонъ ироніи“. Въ самомъ дѣлѣ, „бѣсъ“.

Катя.

И то, что вы говорили давеча, и въ статьѣ,— не шутка?

Федоръ.

Вы же знаете, Катя, вы все знаете!

Катя.

Ну, тогда еще хуже. Нельзя говорить и не дѣлать. А, вѣдь, вы не сдѣлаете?

Федоръ.

Не знаю, ничего не знаю. Заблудился въ самомъ себѣ, запутался. Можетъ быть, сейчасъ и не сдѣлаю, а когда-нибудь...

Катя.

Нѣтъ, никогда. Оттого и говорите. Если бы сдѣлали, то молчали бы, стыдились... У васъ нѣтъ стыда.

Федоръ.

Вѣрно, Катя, вѣрно! Именно, стыда нѣтъ. Какая вы вѣщая! Все знаете... Что нѣтъ стыда, это и старецъ мнѣ говорилъ намедни. „Макаки,—говорить,—макаки... не люблю макакъ!“

Катя.

Что это?

Федоръ.

Обезьянка такая безстыжая. Я сначала не понялъ. А это онъ обо мнѣ, о такихъ, какъ я, нестыдящихся.

Катя.

А вы и теперь не стыдитесь?

Федоръ.

Да, и теперь,—только по другому... А, можетъ быть, я теперь *слишкомъ* стыжусь?

К а т я.

Все равно. У васъ нѣтъ мѣры стыда, нѣтъ мѣры ни въ чемъ.

Ф е д о р ъ.

И это—„ахъ, какъ красиво“?

К а т я.

Да, не безъ пошлости.

Ф е д о р ъ.

Какъ же быть, Катя? Кальвинъ, что-ли, училъ, что есть люди погибшіе: что бы ни дѣлали, все равно, не спасутся, потому что осуждены отъ-вѣка, прокляты. Вотъ и старецъ намедни толковалъ притчу о плевелахъ: посѣялъ человѣкъ пшеницу на полѣ своемъ, а ночью пришелъ врагъ и всѣялъ плевелы. Врагъ—дѣволъ, пшеница—сыны Божьи, а плевелы—сыны дѣвола—несуществующія души.

К а т я.

И вы себя считаете плевеломъ?

Ф е д о р ъ.

Да, не пшеницею.

К а т я.

Кто это можетъ знать? Тутъ что-то не такъ..

Федоръ.

Въ притчѣ не такъ?

Катя.

Не въ притчѣ, а мы чего-то не знаемъ.

Федоръ.

И старецъ не знаетъ?

Катя.

И старецъ.

Федоръ.

А вы, Катя, знаете?

Катя.

Нѣтъ, я тоже не знаю. Но я знаю, что не знаю, а старецъ думаетъ, что знаетъ все.

Федоръ (*послѣ молчанія*).

А можно, Катя, съ вами такъ не стыдиться, какъ я сейчасъ?

Катя.

Можно, — такъ можно.

Федоръ.

Ну, такъ вотъ что. Съ дѣтства, съ самаго ранняго дѣтства, какъ помню себя, у меня такое чувство, что всѣ люди какъ люди, а я... „макака“.

К а т я.

Это не отъ гордости?

Ф е д о р ъ.

Можетъ быть, и отъ гордости... И вотъ еще что. У портныхъ иногда зеркала угломъ поставлены, платье примѣрять, чтобы лучше видно было сбоку и сзади. Боюсь я этихъ зеркальныхъ угловъ, охъ, какъ боюсь! Спереди-то я ничего, даже недурень какъ будто,—„ахъ, какъ красиво!“ А вотъ сбоку-то, сбоку, почти сзади—не узнаю себя,—въ затылкѣ, тамъ, гдѣ скоро плѣшь начнется, да и въ лицѣ, особенно, въ нижней челюсти, въ уголѣ носа и лба—что-то звѣриное, хищное, и смѣшное, и стыдное, стыдное... Самъ себѣ чортомъ кажусь, своимъ собственнымъ чортомъ...

К а т я.

А вы въ чорта вѣрите?

Ф е д о р ъ.

Не знаю, право. Въ Бога-то вотъ не вѣрю, а въ чорта, не знаю, можетъ быть, и вѣрю... Должно быть, это отъ бабушки да дѣдушки, купцовъ Вахрамѣевыхъ. Говорятъ, прадѣдъ нашъ старовѣромъ былъ, еедосѣвцемъ. Ну, и отъ матери тоже: святая, смиренница, воды не замутить, а чорта боялась,—такъ и умерла со страху. Вотъ и Гриша въ нее... А знаете, Катя, вѣдь, я вамъ сейчасъ какъ на духу каюсь—вотъ, какъ старцу. И почему это вдругъ?.. А кажется, что вы поймете,—не простите, нѣтъ, да и что прощать?.. а только поймете, но, вѣдь, и этого довольно.

К а т я.

Да, пойму. А простить васъ, значить, и себя простить: когда вы о себѣ говорите, мнѣ кажется, что и я въ зеркальномъ углу, и тоже себѣ не очень-то нравлюсь. У каждого свой чортъ. А насчетъ проклятыхъ отъ-вѣка, кто это подумаль, тотъ былъ самъ во власти чорта.

Ф е д о р ъ.

Какая вы тихая, Катя, тихая, вѣщая, грозная— вотъ какъ эти зарницы на небѣ! Тишина, тишина, молчаніе, „Silentium“.

Молчи, скрывайся и тай
И чувства, и мечты свои...

Катя, милая, отчего вы мнѣ помочь не хотите?

К а т я.

Хочу, да не могу. Мы съ вами въ разныхъ „колодцахъ“ сидимъ,—рядомъ, но въ разныхъ. Помните „Колодцы молчанія?“

И сторожить Молчанья Демонъ
Колодцы черные свои...

Ф е д о р ъ.

Ну, такъ перекликаться давайте, перестукиваться, вотъ какъ въ одиночныхъ камерахъ.

К а т я.

А вы не шутите?

Федоръ.

Да нѣтъ же, нѣтъ милая! Ну, посмотрите мнѣ въ глаза, развѣ такъ шутятъ? развѣ вы не видите?

Катя.

Вижу... нѣтъ, не вижу... (*Послѣ молчанія*). А можетъ быть, вы?.. Федоръ Ивановичъ, вы не обидитесь?

Федоръ.

Нѣтъ, Катя, не обижусь. Я никогда ни на что не обижаюсь.

Катя.

Потому что все презираете—„плюете на все“?

Федоръ.

Ни на что я не плюю. Вы знаете: я не другихъ, а себя презираю.. Что же вы хотѣли сказать?

Катя.

Можетъ быть, вы жалкій, такой жалкій, что съ вами нельзя говорить, какъ я сейчасъ?

Федоръ.

Ну, такъ пожалѣйте, Катя!

Катя.

А Татьяна Алексѣевна... Татьяна Алексѣевна васъ не жалѣетъ?

Федоръ (*усмѣхаясь*).

Почему вы вдругъ о ней вспомнили?

Катя.

Мнѣ казалось, что вы друзья...

Федоръ.

Любопытство, Катя?

Катя.

Простите. Я думала, что вы постучались ко мнѣ... А любопытство—нѣтъ: ужъ если я чѣмъ страдаю, такъ *нелюбопытствомъ*.

Федоръ.

Какая вы странная! Какъ будто что-то знаете и не хотите сказать...

Катя.

Не умѣю... и не знаю. Слышу стукъ сквозь стѣну, но еще не понимаю азбуки.

Федоръ.

А все-таки спасибо, Катя!

Катя.

За что?

Федоръ.

За стукъ. Когда долго сидѣлъ въ одиночной камерѣ и стукъ слышалъ, то радостно: значить не одинъ.

Катя.

Вы тоже странный. Вы, можетъ быть, не то, чѣмъ кажется.

Федоръ.

О, если бы, если бы такъ, милая! Зарница моя, тихая, вѣщая, грозная...

Катя (*вставая*).

Не надо... не говорите...

Федоръ.

Молчаніе? Silentium?

Катя.

Да, Silentium.

(Федоръ цѣлуетъ у Кати руку. Изъ двери на террасу выходитъ Татьяна Алексѣевна и идетъ въ садъ. Катя не видитъ ея; потомъ, вдругъ, обернувшись и увидѣвъ, проходитъ быстро мимо нея, склонивъ голову. Татьяна Алексѣевна слѣдитъ за нею пристально, пока она не уходитъ; потомъ взбѣгаетъ на террасу, гаситъ лампу, запираетъ на ключъ стеклянную дверь и возвращается въ садъ къ Федору. Ночь темнѣе, зарницы ярче, и кое-гдѣ, вдали, за рѣкою, огни лѣсныхъ пожаровъ рдѣютъ, какъ красныя точки. Оттуда-же, изъ-за рѣки, доносятся пьяныя пѣсни, подъ звуки гармоники).

VIII.

Федоръ и Татьяна.

Татьяна.

Ты опять съ ней? О чемъ?

Федоръ.

Тише... Слышишь?

Татьяна (*оглядываясь и прислушиваясь*).

Нѣтъ, никого. Онъ у Гриши во флигелѣ; Катя прошла къ себѣ; Мавра спитъ. Развѣ старуха съ Пелагеей? Да нѣтъ, завтра праздникъ—ночуютъ въ обители... Никого. Не бойся.

Федоръ.

Да, вѣрно, почудилось, у страха глаза велики... А знаешь, Таня, вѣдь, бабушка слѣдитъ за нами.

Татьяна.

Знаю. Ходитъ по пятамъ, какъ тѣнь, подслушиваетъ, подсматриваетъ. Слепая, а видитъ все. Страшная... Ну, да все равно. Когда я съ тобою, мнѣ все—все равно... О чемъ же ты говорилъ съ Катей?

Федоръ.

Тоже за нами слѣдишь, какъ бабушка?

Татьяна.

Берегись, Одея: Катя не то, что я,—съ ней шутки плохи.

Оедоръ.

Ревнуешь?

Татьяна.

Какъ грубо!

Оедоръ.

И—„ахъ, какъ некрасиво“?

Татьяна (*кладетъ ему руки на плечи*).

Оедя, зачѣмъ?... ну зачѣмъ, милый?... Вѣдь ужъ не долго намъ. Можетъ быть, въ послѣдній разъ.. Вѣдь, скоро уѣдешь?..

Оедоръ.

Скоро.

Татьяна.

Когда?

Оедоръ.

Не знаю. На-дняхъ.

Татьяна.

Можетъ быть, лучше—мнѣ?

Федоръ.

Ты, все равно, не уѣдешь.

Татьяна.

Да, не могу. Говорю, что уѣду, и вотъ не могу. А ты можешь?

(Молчаніе).

Федоръ.

Таня, чѣмъ это кончится?

Татьяна.

Не знаю. Мнѣ все равно.

(Федоръ вынимаетъ револьверъ. Татьяна хочетъ отнять, онъ не даетъ и прячетъ).

Татьяна.

Дай же, дай! Ты мнѣ обѣщаль, помнишь?

Федоръ.

Пустяки, ребячество! Чѣмъ бы ни кончилось, только не этимъ. Ношу съ собою, балуюсь и знаю, что ничего не будетъ. Какъ вотъ въ гимназіи мы всѣ, мальчишки, были „А. М.“—„анархисты-мистики“ и носили съ собою по браунингу. Нѣтъ, Таня, не бойся: не годимся мы съ тобою въ трагедію. Ты не Федра, я не Ипполитъ. Будущій психіатръ и бывшая актриса—хорошая парочка! Ничего не будетъ. Съ такими, какъ мы, никогда ничего не бываетъ, кромѣ пошлости. Было, какъ бы не было. Мало-ли

въ жизни гнусностей? Не пойманъ—не воръ. Потихоньку да полегоньку, развѣдемся и забудемъ, привыкнемъ, обтерпимся. До свадьбы заживетъ. Было, какъ бы не было...

Татьяна.

Не мучь меня, Федя! Устала я, охъ, какъ устала.

(Хочетъ обнять его. Онъ отстраняетъ ее).

Федоръ.

И за что, за что ты меня?..

Татьяна.

Вотъ даже слова сказать не хочешь... За что полюбила? За правду, Федя, за то, что ты чорту смотришь прямо въ глаза.

Федоръ (*усмѣхаясь*).

А-а!.. „Дерзновеніе“?

Мы для новой красоты
Нарушаемъ всѣ законы,
Преступаемъ всѣ черты...

Татьяна.

Ну, что же, смѣйся! Мнѣ все равно, мнѣ все равно...

Федоръ.

Я не смѣюсь, а корчусь... не бойся, отъ своей собственной пошлости... Ну, а еще за что?

Татьяна.

Еще за муку, Федя.

Федоръ.

Дездемона! „Она меня за муку полюбила“. Ты Дездемону играла на сценѣ?.. За муку. да, это, пожалуй, вѣрнѣе. Жалѣешь. Вы всѣ жалѣете. Нѣтъ такой гнусности, на которую женщина не пошла бы изъ жалости... А *его* не жалѣешь?

Татьяна.

Не надо, Федя, милый, не надо! И безъ того муки довольно...

Федоръ.

А мнѣ сегодня снилось опять... все одно и то же снится: будто мы съ тобою... и *онъ* тутъ-же, рядомъ, но мы его не видимъ, только знаемъ, что онъ смотритъ на насъ,—и все-таки...

Татьяна.

Не надо! Не надо! Я съ ума сойду...

Федоръ.

А ты что думаешь? Да если бъ не сошли съ ума, развѣ могли бы жить съ такимъ ужасомъ? Вѣдь, я же *его* любилъ... и сейчасъ люблю... Его люблю и тебя вмѣстѣ... Но тебя не любовью, не жалостью, а вотъ этимъ ужасомъ. Ужасъ, а все-таки, все-таки... И чѣмъ больше ужасъ, тѣмъ сильнѣе вотъ это, чего сказать нельзя... (*Обнимаетъ ее*).

Татьяна.

Федя, милый, если бы я могла взять весь ужасъ, весь грѣхъ на себя! Пусть грѣхъ, — для того, кто любить, нѣтъ грѣха.

Федоръ.

Хороша любовь!

Татьяна.

Не кощунствуй: всякая любовь свята. Огонь страсти очищаетъ все...

Федоръ.

„Огонь страсти“... Эхъ, Таня, откуда у тебя такія слова? Помолчи, — ты лучше всего, когда молчишь.

Татьяна.

Благодарю за любезность! Боишься пошлости, а самъ впадаешь въ нее. А я ничего не боюсь — я только люблю и мучаюсь и не знаю, что это, но иногда кажется, что тутъ какой-то рокъ... это не мы съ тобою сдѣлали...

Федоръ.

Не лги... Впрочемъ, о тебѣ не знаю. Но я самъ сдѣлалъ, самъ захотѣлъ. Нравилось. „Дерзновеніе“... „Красиво, ахъ, какъ какъ красиво!“ О, пошлость, пошлость! Не хаосъ, не бездна, а лужа: упалъ въ грязь — ничего, мягко, — не ушибся, а только запачкался. Это-то мнѣ и нравилось... да и теперь еще нравится... И тебѣ, и тебѣ! Не лги — я знаю тебя. Хороши оба! Блудники, развратники, пакостники,

„макаки“ безстыжія! Съ тринадцати лѣтъ—раньше—съ тѣхъ поръ, какъ помню себя... И всѣ мы такіе, все поколѣніе. Это главное въ насъ. Отъ этого все и пошло. Гриша правъ: хулиганы, шуты, провокаторы. Не существующія души, „плевелы“... За Катей-то, за Катей смотри! Я, вѣдь, на все способенъ, „плюю на все“. Люблю тебя и ее, обѣихъ вмѣстѣ. Почему нельзя обѣихъ?.. Вѣдь, можетъ быть, и она такая же, не лучше нашего... Всѣ тамъ будемъ!

Татьяна.

Что ты дѣлаешь! Что ты дѣлаешь, Федя! Вѣдь, ты сейчасъ хуже со мной, чѣмъ съ *нимъ*... (*Плачетъ*)...

Федоръ (*опускаясь передъ ней на колѣни*).

Таня, прости... Таня, милая... Вѣдь я же, въ самомъ дѣлѣ, съ ума схожу... какъ во снѣ, въ томъ страшномъ снѣ... Можетъ быть, ты и права: не наша воля, не мы съ собою сдѣлали... Ну, полно же, полно, не плачь! Я видѣть не могу... Вѣдь, я же тебя...

(Обнимаетъ и цѣлуетъ ее. Домна Родіоновна и Пелагея проходятъ въ глубинѣ сада, за деревьями).

Татьяна (*оглядываясь*).

Старуха!

Федоръ.

Нѣтъ,—никого. Все чудится...

==== ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ. ====

Татьяна.

Она—я видѣла. Должно быть, спряталась...
Ну, да все равно... пусть! Пойдемъ къ тебѣ, хочешь?

Федоръ.

Сейчасъ? Нѣтъ. Потомъ, ночью. Придешь?

Татьяна.

Приду.

(Татьяна идетъ въ домъ, Федоръ—въ садъ.
Съ другой стороны, изъ-за деревьевъ, выходятъ Домна
Родионовна и Пелагея.)

IX.

Домна Родионовна и Пелагея.

Домна Родионовна.

Видѣла?

Пелагея.

Видѣла, матушка, видѣла—вотъ на этомъ са-
момъ мѣстѣ.

Домна Родионовна.

Молчи! Пикни у меня только, — въ гробъ
вколочу!

===== ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ. =====

Пелагея.

Не бойсь, не бойсь, матушка! Да этакого-то на людяхъ вслухъ и не скажешь—языкъ не повернется, чай... Охъ, искушеніе!

Домна Родіоновна.

Благо ми, Господи, яко смирилъ мя еси, отняль свѣтъ очей моихъ! (*Медленно поворачиваетъ лицо къ дому, подымаетъ клоку и потрясаетъ сю, грозя*). Будьте вы прокляты, окаянные! Анаеема! Анаеема! Анаеема! Погибель дому сему!

З а н а в ѣ с ъ .

Дѣйствіе второе.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Старинный павильонъ въ паркѣ. Крыльцо ветхое, круглое, со ступенями и колоннами. Стеклянная дверь. Передъ крыльцомъ заросшія клумбы съ кустами сирени. Справа аллея старыхъ липъ. Слева—прудъ. Полдень.

I.

Татьяна и Катя.

(Выходятъ изъ аллеи и садятся на ступени крыльца).

Татьяна.

Дождь будетъ—парить, дышать нечѣмъ.

Катя.

Это отъ липъ: когда липы цвѣтутъ, пахнетъ ладаномъ, точно покойникомъ.

Татьяна.

Что вы, Катя,—медомъ, а не покойникомъ. Декадентка вы ужасная... А это что у васъ?

Катя.

Еврипидъ.

Татьяна.

У Федора Ивановича взяли?

Катя.

Да, у него.

Татьяна (*беретъ книгу*).

А, „Ипполитъ“. Я когда-то хотѣла играть „Федру“. У Расина, помните—*C'est Venus tout entiere à sa jiroie attachée...* Какъ хорошо, а перевести нельзя.

Катя.

„То богиня любви вся въ добычу впилась“... вгрызлась, вотъ какъ звѣрь въ звѣря... Нѣтъ, не умѣю.

Татьяна.

Какъ звѣрь въ звѣря? Неужели любовь—звѣрство?

Катя.

Не любовь, а страсть.

Татьяна.

А развѣ есть любовь безъ страсти?

Катя.

Не знаю. Можетъ быть, есть.

Татьяна.

Не знаете, а хотѣли бы знать?

Катя.

Хотѣла бы.

Татьяна.

Лучше не узнавайте, Катя. Будьте всегда такой, какъ сейчасъ: чистая, чистая, вотъ какъ лѣсной родникъ, вся чистая, до дна прозрачная. И, вѣдь, счастливая?

Катя.

Нѣтъ, не счастливая.

Татьяна.

Какое же у васъ несчастіе?

Катя.

Не несчастіе, а хуже: ненужность, недѣйствительность. Какъ будто нерожденная, несуществующая. Чужая всѣмъ. Ни живая, ни мертвая. Свой собственный призракъ. Приживалка, втируша: втираюсь, втираюсь и не могу войти въ жизнь...

Татьяна.

А я вамъ все-таки завидую, Катя.

Катя.

Чему?

Татьяна.

Легкости. Вотъ бы мнѣ вашей легкости!

Катя.

Не завидуйте: это—легкость тяжелая; тяжело, оттого, что слишкомъ легко. Какъ во снѣ: летаешь, летаешь, хочешь стать на ноги и не можешь—все на аршинъ отъ земли: тяжести нѣтъ—земля не держитъ. Или какъ на водѣ пробка: жизнь изъ себя выталкиваетъ—нужно усилъе, чтобъ оставаться въ жизни, а только-что отпустишь себя,—вода пробку вытолкнетъ... Федоръ Ивановичъ говоритъ: вольная смерть отъ радости. А у меня не отъ радости и не отъ горя, а отъ легкости, оттого что все равно... (*Вдругъ умолкаетъ, какъ будто спохватившись*).

Татьяна.

А вы, Катя, не кокетка?

Катя.

Кокетка? Отчего вы подумали?

Татьяна.

Да вотъ все это: несуществующая, нерожденная, на аршинъ отъ земли... Вы собой не любуетесь?.. А га, покраснѣли. Обидѣлись?

Катя.

Я не обидѣлась, а вы не поняли.

Татьяна.

Не поняла? Скажите, пожалуйста, какая премудрость! Ахъ, вы моя милая дѣвочка! То взрослая, даже слишкомъ взрослая, а то вдругъ маленькая, маленькая дѣвочка... Ну, что вы на меня такъ смотрите? Бойтесь? Не вѣрите?.. Катя, да вы серьезно обидѣлись? Полно же, будьте великодушнѣе. А то не красиво: кошачьи подарки, собачьи отнимки. *(Встаетъ)*. Въ самомъ дѣлѣ, дышать нечѣмъ! Мнѣ тоже начинаетъ казаться, что липы ладаномъ пахнутъ. Пойдемте-ка, гдѣ посвѣжѣе,—ляжемъ въ траву.

О, не кладите меня
Въ землю сырую!
Скройте, заройте меня
Въ траву густую!

„Ипполита“ будемъ читать. Или я вамъ изъ „Федры, хотите, по старой памяти? *C'est Venus tout entière à sa proie attachée*... Да, „вгрызлась, вгрызлась, какъ звѣрь“ —вцѣпилась, вгрызлась —и не отпустить... А знаете, Катя, вы вотъ меня не любите, а я могла бы васъ полюбить... влюбиться въ васъ.

Катя.

Вы? Нѣтъ, едва ли... не думаю.

Татьяна *(смыкась)*.

А вотъ и могла бы, могла бы! Ничего вы не знаете, маленькая, глупенькая дѣвочка!

(Обнимаетъ и цѣлуетъ ее. Татьяна и Катя идутъ въ аллею. Гриша и Пелагея выходятъ изъ-за кустовъ).

II.

Гриша и Пелагея.

Пелагея.

Ушли, слава тебѣ Господи! И о чемъ болтали? „Ипполитъ да Федра“, а по нашему, Иванъ да Ѳедоръ,— Иванъ Сергѣевичъ, да Ѳедоръ Ивановичъ, такъ, что ли?

Гриша.

Молчи, дура, или я уйду.

Пелагея.

Не уйдешь, миленькій, никуда отъ меня не уйдешь: мы теперь съ тобой, какъ веревочкой, связаны. Охъ, дѣла-дѣла, какъ сажа бѣла! И въ старину этихъ самыхъ дѣловъ довольно было, только все шито да крыто. Не то, что у васъ, нынѣшнихъ—срамники вы, скандальники, безстыдники! Вотъ, говорятъ, дѣдушка вашъ, купецъ Вахрамѣевъ, богатѣй,—по бородѣ Авраамъ былъ, а по дѣламъ хамъ. Дѣдушка—снохачъ, а бабушка тоже не промахъ—то съ однимъ, то съ другимъ прикащикомъ. Да все въ тайности, въ святости...

Гриша.

Какъ ты смѣешь, подлая!

Пелагея.

Ну, не буду, Гришенька, не гнѣвайся. Я, вѣдь, только такъ, къ слову пришлось, а Домну Родіоновну я

уважаю,—благодѣтельница. А насчетъ грѣха,—не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься. Вотъ она и спасается, на чужой шкурѣ свой грѣхъ выколачиваетъ. И мы ей помогать должны... Ну-ка, Григорій Ивановичъ, зѣвать не будемъ, а то какъ бы кто опять не подошелъ. (*Взбѣгаетъ на крыльцо и пробуетъ открыть дверь*). Вишь, запирается началъ; должно быть, замѣтилъ что, остерегается... Ну, такъ въ окно... Тоже заперто. Ахъ, бѣда! Да рама-то, кажись, разохлась, скважинка есть,—отомкнуть можно, только бы просунуть что... Перочиннаго ножичка нѣтъ ли?

Гриша.

Есть.

Пелагея.

Давай. (*Просовываетъ ножикъ въ скважину, вынимаетъ крючокъ изъ петли и открываетъ окно*). Ну-ка, Гришенька, айда въ окно!

Гриша.

Сама лѣзь!

Пелагея.

Что вы, баринъ, какъ можно? Дѣло ваше семейное, да и званье мое не такое, да и дѣвица я: какъ пользу, юбочка подыметъ, чулочекъ увидите, и неприлично будетъ. Ну, да и грамотъ я плохо знаю: не разберу адреса.

Гриша.

Дура! Дура! Наглая! И чего ты кривляешься, говоришь со мною, какъ съ маленькимъ?

Пелагея.

Для кого большой, а для насъ маленькій. Мальчикъ маленькій, хорошенькій! Вотъ захочу—зацѣлю, и ничего ты со мной не подѣлаешь. Я, вѣдь, бѣдовая, шельма я, даромъ, что ряску ношу. Да, вѣдь, и ты, баринъ, тихоня, а въ тихомъ омутѣ черти водятся. Ишь, какъ глазки бѣгають. Аль сконфузился?.. Ну, не буду, не буду! Знаю, есть у Гришеньки зазнобушка, „Принцесса грезъ“.

И грезы, и слезы,
И усть упоительный ядъ...

А ты что думалъ? Я тоже ученая, люблю стишокъ пронзительный: „Ахъ, какъ красиво!“ (*Гриша хочетъ уйти, Пелагея удерживаетъ его за руку*). Стой, не пущу! Сердитый какой! И пошутить нельзя... Ну, полно-ка лясы точить, а то и впрямь не подошелъ бы кто... Да ну же, глупенькій, чего упрямишься? Послушаніе паче поста и молитвы. Лѣзь-ка, лѣзь—назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ!

Гриша.

Э, чортъ, вотъ связался! Ступай прочь,—я одинъ...

Пелагея.

Нѣтъ, баринъ. куда тебѣ, не справишься! (*Гриша подходитъ къ окну*). Погоди, скамеечку—вотъ такъ, ладно. Ключь-то у тебя? Ну-ка, благослови Господи, а я посторожу.

(Гриша лѣзетъ въ окно, Пелагея, стоя на крыльцѣ, смотритъ то въ окно, за Гришею, то въ садъ).

Пелагея.

Эхъ, неловкій какой! Чего суешь безъ толку. Подбери, какъ слѣдуетъ. Аль ручки дрожатъ? Письма-то тѣ ли, смотри—по адресу—Федору Ивановичу. Руку мачехину знаешь, чай?.. (*Оглядываясь*). Скорѣй, скорѣй, Гришенька! Идутъ! Вылѣзай... держись... подсажу... вотъ такъ...

(Гриша вылѣзаетъ изъ окна съ пачкою писемъ въ рукахъ).

Пелагея.

Умаялся, бѣдненькій! Вспотѣлъ, красный весь, точно изъ бани. Ну, зато бабушка спасибо скажетъ да старецъ благословитъ... А, вѣдь, это онъ, братецъ твой, Федоръ Ивановичъ—легокъ на поминѣ. Аль не сюда? Нѣтъ, сюда, сюда! Да письма-то спрячь! Чего въ рукѣ держишь, какъ на показъ выставилъ? Ну, я, Гришенька, въ кустики, а ты братцу зубы заговаривай, а то увидитъ въ кустахъ кавалера съ дѣвицею—нехорошо подумаетъ.

(Пелагея убѣгаетъ въ кусты. Входитъ Федоръ).

III.

Гриша и Федоръ.

Федоръ.

А, Гриша! Посѣтилъ отшельника. Ты, вѣдь, еще ни разу не былъ въ моемъ „Эрмитажѣ“. (*Оттираетъ дверь*). Милости просимъ!

Гриша.

Нѣтъ, Федя, я на минутку. Лучше здѣсь, а то у тебя, должно быть, душно тамъ—заперто все.

Федоръ.

Да, вотъ запираюсь: няня пугаетъ, что народъ воровской, хулиганы шлятся,—убьютъ и ограбятъ. А мнѣ здѣсь хорошо: заниматься никто не мѣшаетъ. Весь бы вѣкъ прожилъ такъ, въ кельѣ подъ елью. Вѣдь мы съ тобой—монахи, отшельники... Ну, садись, будь гостемъ! Вмѣстѣ живемъ, а сто лѣтъ не видались и не поговорили ни разу, какъ слѣдуетъ... Да что ты какъ будто не въ духѣ? Аль все еще сердишься? Ну, право, голубчикъ, не стойтъ. Языкъ мой—врагъ мой. А ты всякаго лыка въ строку не ставь...

Гриша.

Полно, Федя, мы съ тобою люди не глупые: ты знаешь, что я не сержусь.

Федоръ.

Даже не сердишься? Значить, совсѣмъ плохо?

Гриша.

Да, трудно мнѣ съ тобой. Говорить не умѣю: нѣтъ словъ, нѣтъ голоса. Да и что говорить? Все равно не услышимъ другъ друга: ужъ очень мы разные.

Федоръ.

И разные, да схожіе. Яблочко отъ яблони недалеко падаетъ.

Гриша.

Тѣмъ хуже, Федя.

Федоръ.

Можетъ быть. Не знаю. А мнѣ все кажется, что мы могли бы понять другъ друга.

Гриша.

Понять не значитъ принять.

Федоръ.

Да, вѣдь, человекъ можно принять только въ дѣйствіи, а мы съ тобою—ну вотъ, какъ я сказалъ—монахи, отшельники, бездѣльники.

Гриша.

Нѣтъ, Федя, ты не безъ дѣла.

Федоръ.

Только дѣло мое скверное?.. Эхъ, братъ, не такъ мы съ тобой говоримъ—опять поспоримся, а, вѣдь, я мириться хотѣлъ.

Гриша.

Ничего ты не хотѣлъ. Ты опять за свое.

Федоръ.

За что?

Гриша.

Издѣваешься.

Федоръ.

Что ты, Гриша, Богъ съ тобой! И не думаю...

Гриша.

Нѣтъ, думаешь.

Федоръ.

Ну, такъ значитъ, нечаянно... Опять бѣсъ—
„тихий бѣсъ“, что ли?

Гриша.

Да, тихій бѣсъ.

Федоръ.

А въ тебѣ его нѣтъ?

Гриша.

И во мнѣ, и во мнѣ! Но я его ненавижу. А
ты любишь—бѣса Богомъ сдѣлалъ...

Федоръ.

Ну, бѣса Богомъ, или Бога бѣсомъ,—это еще
вопросъ, что лучше... Полно, Гриша, не будемъ горячиться,

страшныя слова оставимъ. А насчетъ издѣвательства, ты ошибаешься: я, скорѣй, завидую. Вѣрю, что вѣришь... или хочешь вѣрить. Можетъ быть, по вѣрѣ и сдѣлаешь: отъ всего уйдешь; схиму примешь, отдашь плоть на распятые, будешь подвижникомъ. Но, вѣдь, и это, и это все—„ахъ, какъ красиво!“—декадентство, эстетика, нашъ первородный грѣхъ. Такъ-то, братъ: съ Богомъ-ли, съ бѣсомъ-ли, а для краснаго словца не пожалѣемъ и отца... Объ отцѣ-то кстати: не обижай старика. Я давно ушелъ, ты у него одинъ остался. Къ старцу своему успѣешь, а отца не обижай.

Гриша.

Благодарю за совѣтъ, — только смотри, какъ бы *тебѣ* отца не обидѣть.

Федоръ.

Что это, угроза или пророчество?

Гриша.

Нѣтъ, тоже совѣтъ. Уѣзжай отъ насъ поскорѣе — тебѣ нашъ воздухъ вреденъ.

Федоръ.

Не бойся, уѣду. А все-таки... неужели такъ и разстанемся? Вѣдь, мы когда-то любили другъ друга...

Гриша.

Любили.

Федоръ.

А теперь... ненавидимъ?

Гриша.

Я не тебя, а твое ненавижу.

Федоръ.

И не пощадишь при случаѣ?

Гриша.

Не пощажу.

Федоръ.

Значить, Каинъ и Авель?

Гриша.

Я не Авель, а если ты хочешь быть Каиномъ...

Федоръ.

Ну, ладно, хоть за правду спасибо. (Гриша встаетъ). Уходишь? Такъ и уходишь?

Гриша.

Да, пррщай.

Федоръ.

Ну, на прощанье дай руку.

Гриша.

Зачѣмъ? Если въ знакъ...

Федоръ.

Безъ всякихъ знаковъ. Просто дай.

Гриша.

Нѣтъ, Федя, я лгать не хочу.

Федоръ (*усмѣхаясь*).

Ну, Богъ съ тобой... Богъ или бѣсъ, ужъ право не знаю.

(Гриша идетъ по дорогѣ къ пруду, а съ другой стороны, изъ аллеи—Катя).

IV.

Федоръ и Катя.

Федоръ.

Наконецъ-то, Катя!

Катя.

Ждали меня?

Федоръ.

Ждалъ. А вы не знали?

Катя.

Какъ же я могла знать?

Федоръ.

А все-таки знали?

Катя (*улыбаясь*).

Ну, конечно, знала!

Федоръ.

Какъ вы это сказали...

Катя.

А какъ?

Федоръ.

Непохоже на васъ. Какъ обыкновенная милая барышня изъ повѣсти Тургенева. Подъ стиль „Эрмитажу“.

Катя.

Да я и есть обыкновенная.

Федоръ.

Не совсѣмъ... И для чего я васъ ждалъ, тоже знаете?

Катя.

Нѣтъ, не знаю.

Федоръ.

Катя, зачѣмъ?..

К а т я.

Ну, не сердитесь. Ждали, чтобъ тотъ разговоръ нашъ давнишній кончить. Да, вѣдь, пожалуй, кончить нельзя?

Ф е д о р ъ.

Если захотите, можно. (*Послѣ молчанія*). А знаете, Катя, мнѣ все „Близнецы“ вспоминаются.

К а т я.

Какіе близнецы?

Ф е д о р ъ.

Да вы же сами читали, помните? „Близнецы“

Тютчева.

И кто въ избыткѣ ощущеній,
Когда кипитъ и стынетъ кровь,
Не вѣдалъ вашихъ искушеній,
Самоубійство и любовь?

А можетъ быть, и больше, чѣмъ близнецы. Есть древняя статуя—богъ смерти и любви—одинъ и тотъ же богъ...

К а т я.

Да, знаю.

Ф е д о р ъ.

Статую знаете или вотъ это, о чемъ я говорю?

К а т я.

И это.

Ф е д о р ъ.

Неужели знаете?

К а т я.

Не говорите, не надо...

Ф е д о р ъ.

Опять „Молчаніе“, Silentium?

(К а т я молча наклоняетъ голову).

Ф е д о р ъ.

А отчего это, Катя —сами вы грустная-грустная, а отъ васъ—радость? Смотришь на васъ, и кажется, что будетъ радость.

К а т я.

Да, будетъ радость.

Ф е д о р ъ.

Ну вотъ, вы же знаете! Отчего же не хотите сказать?

К а т я.

Нельзя. Не надо. Мы теперь всѣ молчимъ, потому что „спимъ отъ печали“.

Федоръ.

Какъ это—„спимъ отъ печали“?

Катя.

А помните, въ саду Геосиманскомъ, Онъ сказалъ ученикамъ: „бодрствуйте“, и ушелъ отъ нихъ, а когда вернулся, то увидѣлъ, что они „уснули отъ печали“. Мы всѣ — „отъ печали спящіе“. Но, можетъ быть, уснули отъ печали—проснемся отъ радости.

Федоръ.

А отчего же радость? Или тоже нельзя сказать?

Катя.

Нельзя.

Федоръ.

Катя, милая, да, вѣдь, радость только отъ одного?..

(Катя опять молча наклоняетъ голову).

Федоръ.

И вы уже любите?.. Простите, я немного съ ума схожу...

Катя.

Нѣтъ, вы спросили, какъ надо, и я вамъ отвѣчу—потомъ... Смотрите! Смотрите! Солнце сквозь дождь—дождь золотой! Какъ хорошо!

(Выбѣгаетъ изъ-подъ крыльца въ садъ, поднимаетъ руки и подставляетъ лицо подъ дождь).

К а т я.

Дождикъ, дождикъ, перестань!
Мы поѣдемъ на Іердань,
Мы поѣдемъ на Іердань...

А дальше, вотъ, и не помню.

Ф е д о р ъ.

Богу помолиться,
Христу поклониться.

К а т я.

Да, да! Какъ это вы вспомнили? Значить,
тоже пѣли?

Ф е д о р ъ.

Должно быть, пѣлъ.

К а т я.

И теперь вдругъ вспомнили?

Ф е д о р ъ.

Да, какъ во снѣ. Сейчасъ, вѣдь, все, какъ во
снѣ, Катя?

К а т я.

Нѣтъ, на-яву—во снѣ и на-яву вмѣстѣ. А
вамъ иногда не кажется... ну, вотъ, такое странное чувство,
что все это уже было—было и будетъ?

Ф е д о р ъ.

Да, кажется.

==== ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ. ====

К а т я.

И вы не вѣрите?

Ф е д о р ъ.

Чему?

К а т я.

Да вотъ, что было и будетъ—будетъ всегда, если захочешь? Если очень, очень хотѣть, то будетъ, не можетъ не быть?

Ф е д о р ъ.

И это чудо?

К а т я.

Ну, да. Вотъ все, что сейчасъ—солнце сквозь дождь, дождь золотой, и то, что мы оба пѣли Іердань, и забыли, и вдругъ вспомнили, все—чудо, наше чудо, наше знаменье... Не вѣрите?

Ф е д о р ъ.

А вы, Катя?

К а т я.

Ну, конечно, вѣрю.

Ф е д о р ъ.

Опять, опять — „милая барышня!

К а т я.

А вотъ и потемнѣло, потухло — кончено...

==== ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ. ====

Нѣтъ, нѣтъ, смотрите, смотрите—радуга! Значитъ, вѣрно: было и будетъ—будетъ радость!

(Возвращается на крыльцо, садится на скамейку и молча склоняетъ голову на руки. Федоръ стоитъ передъ нею, тоже молча).

Федоръ.

Катя, радость моя...

Катя (*подымая голову и улыбаясь*). Ну, что?

(Онъ опускается на колѣни. Она кладетъ ему руки на плечи).

Катя.

Зачѣмъ? Я же знаю: уѣдешь, и больше никогда не увидимся... Вѣдь, надо, такъ надо? Нельзя иначе?

Федоръ.

Нельзя. И почему—тоже знаешь?

Катя.

Знаю... нѣтъ... Все равно. Не говори. Не надо.

Федоръ.

А все-таки—любишь?

Катя.

Люблю.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

а антресоля хъ комната Ивана Сергѣевича. Низкій потолокъ, полукруглая окна. Открытая стеклянная дверь на балконъ; сквозь нее видна липовая аллея и вдали надъ прудомъ павильонъ въ паркѣ. Маленькая желѣзная кровать. Большой письменный столъ. Старинный кожаный диванъ. Шкапы и полки съ книгами. По стѣнамъ статистическія карты и таблицы; портреты Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова, Некрасова. Раннее утро. Косые лучи бьютъ прямо въ окна.

I.

Иванъ Сергѣевичъ, Катя, Гриша.

(Иванъ Сергѣевичъ ходитъ по комнатѣ, курить и пьетъ чай. Гриша, за письменнымъ столомъ, низко наклонившись, рисуетъ. Катя, у окна, въ лучѣ солнца, за отдѣльнымъ столикомъ съ пишущей машинкой, поправляетъ корректуру).

Иванъ Сергѣевичъ.

А потому и не вѣрю, что 57 лѣтъ на свѣтѣ прожилъ и ни одного чуда не видѣлъ.

Гриша.

А, можетъ быть, наоборотъ: не видѣли, потому что не вѣрите?

Иванъ Сергѣевичъ.

А ты вѣришь и видѣль?

Гриша.

Видѣль.

Иванъ Сергѣевичъ.

Удивительно! Математикъ—таблицу умноженія отрицаетъ: дважды два пять.

Гриша.

Ну, нѣтъ, это не такъ просто. Таблица умноженія—не вся математика. Вы Лобачевскаго знаете?

Иванъ Сергѣевичъ.

Геометрія четвертаго измѣренія? Да, вѣдь, это, братъ, темна вода во облацѣхъ—что-то вродѣ спиритизма.

Гриша.

Нѣтъ, совсѣмъ въ другомъ родѣ. И теорію „прерывовъ“ не знаете?

Иванъ Сергѣевичъ.

Къ чему тутъ „прерывы“?

Гриша.

А къ тому, что математическое понятіе „прерыва“ и есть понятіе „чуда“,—замѣтьте, чуда, а не фокуса.

Иванъ Сергѣевичъ.

Да ты брось метафизику, ну ее къ чорту! Вы съ Ѳедей одного поля ягода: оба метафизикой душиите. Сойди съ неба на землю, говори по-просту.

Гриша.

Ну; ладно, давайте по-просту. Вы, вотъ, социаль-листъ-народникъ: а социализмъ—чудо, и народъ—чудо.

Иванъ Сергѣевичъ.

Эвона! Да ты, братъ, ступай-ка въ деревню, посмотри, какія тамъ чудеса—пьянство, хулиганство, голодъ, сифились—реализмъ жесточайшій, желѣзнѣйшій! А это у васъ, господа, все—романтика, отрыжка славянофильская...

Гриша.

А вы-то сами, папа, не романтикъ, что ли? Да, вѣдь, если народъ не чудо, такъ чудовище... И какъ же вы его любите, а душу его ненавидите, — вѣру его отрицаете, правду единственную?

Иванъ Сергѣевичъ.

Отрицаю невѣжество, безсмыслицу...

Гриша.

Полно, папа,—Паскаль и Достоевскій были не глупѣе нашего.

Иванъ Сергѣевичъ.

Эхъ, Гриша, не сговориться намъ! Чтобы въ нашъ вѣкъ люди мыслящіе, образованные въ чудеса вѣрили— и вѣдь, искренно, я же вижу, что искренне... нѣтъ, отсталъ я отъ васъ, должно быть, — устарѣлъ, изъ ума выжилъ. Ничего, ничего не понимаю, хоть убей! (*Послѣ молчанія*). Ну, и что же, много васъ такихъ?

Гриша.

Въ Россіи немного, потому что вообще немного людей образованныхъ, а во Франціи, въ Англіи, въ Америкѣ—съ каждымъ днемъ все больше. А оттуда и къ намъ придетъ—какъ все, съ опозданіемъ.

Иванъ Сергѣевичъ.

Да, чудеса, чудеса въ рѣшетѣ! Вѣкъ живи, вѣкъ учись... Ну, а вы, Катя, тоже въ чудеса вѣрите?

Катя.

Вы спрашиваете такъ, что отвѣтить нельзя.

Иванъ Сергѣевичъ.

Почему нельзя?

Катя.

Потому что въ вѣрѣ сказать — значить, сдѣлать, а я чудесъ не дѣлаю.

Иванъ Сергѣевичъ.

Значить, не вѣрите?

Катя.

Нѣтъ, не значить. Я не могу сказать, что вѣрю въ чудо—въ одно, единственное, послѣднее—въ чудо чудесъ—ну, вотъ, какъ „воскресеніе мертвыхъ“; но въ чудеса я вѣрю.

Иванъ Сергѣевичъ.

Ну, хоть одно скажите, маленькое, малюсенькое!

Катя (*улыбаясь, но очень серьезно*).

Маленькихъ нѣтъ, есть только большія, огромныя. Мы оттого и не видимъ ихъ, что огромныя, — вотъ, какъ на горѣ, не видишь горы.

Иванъ Сергѣевичъ.

Ну, все равно, скажите огромное.

Катя.

Да вотъ, хоть то, что я—не вы, вы—не я, а мы все-таки говоримъ съ вами, сообщаемся. Человѣкъ отъ человѣка, какъ звѣзда отъ звѣзды,—а сообщаться могутъ... или нѣтъ, пожалуй не могутъ, а только хотятъ, но и хотѣтъ сообщаться—уже чудо огромное. Да и все—чудо: и жизнь, и смерть, и день, и ночь, и каждая звѣзда, и каждая зарница на небѣ...

Гриша (*обернувшись къ ней и глядя на нее въ упоръ*).

И дождь золотой, и радуга? Вотъ, какъ вчера Катя, помните?

Катя.

Да, и дождь золотой, и радуга. А вы ихъ тоже видѣли?

Гриша.

Видѣлъ. *(Встаетъ и идетъ къ двери).*

Иванъ Сергѣевичъ.

Куда ты, Гриша? Что съ тобой?

Гриша.

Ничего. Спросите Катю, что съ нею.

(Гриша уходитъ).

II.

Иванъ Сергѣевичъ и Катя.

Иванъ Сергѣевичъ.

У васъ съ нимъ что-нибудь вышло?

Катя.

Не знаю... Нѣтъ, ничего. Кажется, ничего.

Иванъ Сергѣевичъ.

А, можетъ быть?.. *(Вдругъ умолкаетъ и смотритъ на нее пристально).*

Катя.

Что вы хотѣли сказать?

Иванъ Сергѣевичъ.

Пустяки. Все суюсь въ воду, не спросясь броду. (*Послѣ молчанія*). Да, Катя, все что - то неладно у насъ, какая-то черная кошка между нами бѣгаетъ... А, можетъ быть, *das ist eine alte Geschichte*? Опять—два поколѣнія, „отцы и дѣти“, только шиворотъ-на-выворотъ: за что прежде отцы стояли,—теперь дѣти. И это бы еще ничего, что въ метафизикѣ, въ чудесахъ, въ миндаляхъ небесныхъ, а скверно, что и въ земномъ, насущномъ—ну, вотъ что сейчасъ нужно для Россіи,—любимъ разное, хотимъ разнаго...

Катя.

Нѣтъ, хотимъ одного.

Иванъ Сергѣевичъ.

Такъ ли, Катя? Вѣдь, вотъ, Гриша...

Катя.

О Гришѣ не знаю, но я съ вами хочу одного.

Иванъ Сергѣевичъ.

А если такъ, то къ чорту ли ваша метафизика? Дѣла не дѣлаемъ, а только языками стучимъ...

К а т я.

Нѣтъ, молотами, — вотъ какъ въ оружейной мастерской. Старое оружіе сломано—куемъ новое—для той же войны, для вашей же.

И в а н ь С е р г ѣ в и ч ъ.

Можетъ быть, Катя, можетъ быть. Вамъ лучше знать... А я, видно, старъ сталъ, глупъ сталъ — ничего не понимаю въ вашей метафизикѣ.

К а т я.

Не понимаете нашей, — а по своей живете лучше нашего?

И в а н ь С е р г ѣ в и ч ъ.

Какая же у меня метафизика?

К а т я.

Все та же—старая, вѣчная. Вы сами знаете.

И в а н ь С е р г ѣ в и ч ъ.

Нѣтъ, дружокъ, не знаю, право, не знаю.

К а т я.

Ну, и не знайте. Можетъ быть, вамъ и не надо знать.

И в а н ь С е р г ѣ в и ч ъ.

А вы за насъ знаете?

Катя.

Да, знаемъ за васъ и любимъ васъ. Дѣти отцовъ ненавидѣли, а теперь любятъ: въ этомъ вся разница. Отъ васъ ушли и къ вамъ придемъ — только съ новымъ оружіемъ.

(Стукъ въ дверь).

Голосъ Ѳедора (*изъ за двери*).

Можно войти?

(Входитъ Ѳедоръ).

III.

Иванъ Сергѣевичъ, Катя и Ѳедоръ.

Иванъ Сергѣевичъ.

Что ты, Ѳедя, по-иностранныму? Видишь дверь и ломись.

Ѳедоръ.

А вы тутъ опять спорили?

Иванъ Сергѣевичъ.

Да, и знаешь, о чемъ?

Ѳедоръ.

О чемъ?

Иванъ Сергѣевичъ.

О чудесахъ—о золотыхъ дождяхъ, да радугахъ.

Федоръ.

А-а! То-то, я видѣлъ, у Гриши лицо вытянулось... (*Переглянувшись съ Катюю*). И вольно-же вамъ! До добра не доспоритесь. (*Послѣ молчанія*). А я, папа, къ вамъ по дѣлу...

(К а т я встаетъ).

Федоръ.

Катя, вы мнѣ не мѣшаете.

Катя.

Нѣтъ, Федоръ Ивановичъ, мнѣ самой нужно: я съ няней общала въ городъ.

(К а т я уходитъ).

IV.

Иванъ Сергѣевичъ и Федоръ.

Иванъ Сергѣевичъ.

Что вы, Федя, такъ торжественно?

Федоръ.

Нѣтъ, ничего. А только, папа, голубчикъ, не огорчайтесь: мнѣ уѣзжать пора...

Иванъ Сергѣевичъ.

Уѣзжать? Какъ же, Федя, такъ скоро? Не пожилось тебѣ у насъ, что-ли?

Федоръ.

Нѣтъ, папа, вы знаете, что мнѣ у васъ всегда отлично живется, а только надо еще за-границу до осени. Я вѣдь, вамъ говорилъ, помните?

Иванъ Сергѣевичъ.

Да, говорилъ... Ну что-жъ... за-границу... (*Послѣ молчанія*). Федя, въ чемъ дѣло? Федя, родной, мальчикъ мой, въ чемъ дѣло, въ чемъ дѣло? Вѣдь, я же измучился... Скажи ради Бога,—право, легче будетъ... Ужъ не съ Таней ли у васъ что-нибудь? (*Федоръ молчитъ*). Знаешь, Федя, я съ тобой давно хотѣлъ о Танѣ... о Татьянѣ Алексѣевнѣ...

Федоръ.

Папа, не надо. Мы и такъ говоримъ слишкомъ много: не стучась, въ двери ломимся.

Иванъ Сергѣевичъ.

Нѣтъ, голубчикъ, не бойся, — я къ тебѣ ломиться не буду. Я не о томъ, что ты думаешь: я о себѣ

самомъ. Я, вѣдь, что говорю, Оедя,—пойми: когда дѣти взрослыя, второй бракъ отца вина не вина, а хуже вины. Въсто матери мачеха—это, вѣдь, пожалуй, хуже, когда взрослыя. Тутъ боль, тутъ кровь, тутъ темное, страшное—объ этомъ говорить нельзя...

Оедоръ.

И не надо, папа, не надо...

Иванъ Сергѣевичъ.

Нѣтъ, Оедя, выслушай. Ну, право, легче будетъ... Помнишь, я тебѣ рассказывалъ... да тутъ не расскажешь... Ну, какъ въ захолустѣ-то нашемъ губернскомъ, въ номерахъ для проѣзжающихъ, мы съ нею встрѣтились. Одна, безъ копѣйки, больная. Антрепренеръ, подлець, обманулъ, бросилъ, послѣ этого скандала, помнишь, съ купчикомъ-то Золотушкинымъ, издателемъ „Пандорина ящика“: декадентъ, банкиръ, старовѣръ спортсмэнъ, авіаторъ, сверхчеловѣкъ—ну, словомъ, прохвость изъ нынѣшнихъ. Едва на содержаніе къ нему не попала. „Собаченка, у которой колесомъ трамвая заднія ноги переѣхало“,—такъ себя чувствовала. „Собакѣ собачья смерть“,—все повторяла: тоже, вѣдь, изъ вашихъ, изъ „самоубійць естественныхъ“... Ну, вотъ, тутъ-то я и подвернулся—рыцарь, благодѣтель, спаситель! Обрадовалась—все-таки лицо не звѣриное. А я, какъ мальчишка... Ты ее на сценѣ видѣлъ, Оедя?

Оедоръ.

Видѣлъ.

Иванъ Сергѣевичъ.

Ну, что, какъ?

Федоръ.

Я ничего не смыслю.

Иванъ Сергѣевичъ.

Да, вѣдь, и я, братъ, не смыслю. А только всѣ говорятъ: талантъ, — вторая Ермолова... А для меня, вѣдь, и сцену бросила. Обжегшись на молоко, дуетъ на воду: „Сцена,—говорить,—та же проституція“... Да, Федя, сглупилъ я на старости лѣтъ, какъ мальчишка. Ну, развѣ мы пара? Я, вѣдь, ей въ отцы гожусь. У нея художество, эстетика—„вѣчность и красота“,—а у меня „кооперативное движеніе Калитинскаго уѣзда“—сушь, цыфирь, статистика... Развѣ я могу ее понять? И какъ я обрадовался, что вы съ нею сошлись. Ну, слава Богу, думаю, теперь полегчаетъ. И вдругъ... Федя, да ты меня не слушаешь?.. Федя, голубчикъ, что ты? что съ тобою? Нездоровится, что-ли?

Федоръ.

Нѣтъ, ничего. Душно здѣсь: голова немного кружится. Ну, говорите же, я слушаю. А что усмѣхаюсь какъ будто, такъ вы же знаете. что у меня такой тикъ въ лицѣ... Ну, да, и нездоровится тоже. Мы, вѣдь, всѣ тутъ больные—и я, и Гриша, и Катя, и Татьяна Алексѣевна, и вы, папа. Вы здоровѣе всѣхъ, но и вы заразились отъ насъ. Какъ раненые, на одной койкѣ, всѣ вмѣстѣ, въ кучѣ: пошевелиться нельзя, чтобъ не сдѣлать больно другъ другу.

Или вотъ еще, какъ въ узкомъ сапогѣ пальцы, натерли другъ другу мозоли—надо снять сапогъ—разстаться, разѣзжаться...

Иванъ Сергѣевичъ.

Федя, да что же, что же такое? Если бы только знать что....

Федоръ.

Не говорите, папа! Нельзя сказать... ничего, ничего нельзя сказать... Молчаніе! Silentium.

(Быстро наклоняется, цѣлуетъ руку отца и уходитъ. Иванъ Сергѣевичъ долго сидитъ, не двигаясь, какъ будто въ оцѣпенѣніи, не сводя глазъ съ двери, въ которую вышелъ Федоръ. Слышенъ скрипъ ступеней, стукъ костыля и тяжелые шаги по лѣстницѣ. Потомъ голоса Пелагеи и Домны Родіоновны).

Голосъ Пелагеи.

Сюда, матушка, сюда! Ручку пожалуйста. Крутенька-то лѣстница.

(Иванъ Сергѣевичъ идетъ къ двери и открываетъ ее. Входитъ Домна Родіоновна и Пелагея).

V.

Иванъ Сергѣевичъ, Домна Родіоновна и Пелагея.

Домна Родіоновна.

Охъ, смерть моя!.. Задохлась!

Иванъ Сергѣевичъ (*усаживаетъ ее въ кресло*).

Зачѣмъ-же вы, матушка, по лѣстницѣ? Послали бы за мной.

Домна Родіоновна.

Ничего, небось, покуда ноги носятъ, и сама доползу—невелика барыня! А давненько мы съ тобой не видались, Иванъ. Въ одномъ домѣ живемъ, а розно. Все недосугъ тебѣ, да со старухой-то невесело, чай? Хоть самъ не молодъ, зато жена молода. Ну, какъ живешь-можешь, зятюшка?

Иванъ Сергѣевичъ.

Какъ ваше здоровье?

Домна Родіоновна.

Какое ужъ мое здоровье! Въ могилу пора, старымъ костямъ на покой. Живу, небо копчу, да вотъ за васъ за всѣхъ молюсь. Тебѣ-то молитва моя не нужна. Бога забылъ,—

анъ, можетъ, когда и не чаешь, Богъ тебя посѣтитъ... Ступай, Пелагеюшка, ступай, матушка. Подожди на лѣстницѣ, скличу ужо.

(Пелагея уходитъ).

VI.

Иванъ Сергѣевичъ и Домна Родіоновна.

Домна Родіоновна.

А у меня къ тебѣ дѣло, Иванъ. Да дѣло-то какое—и приступить не знаю какъ... Недобраго тебѣ я вѣстница, ужъ ты на меня не пеняй: сама не рада—ворона старая, бѣду тебѣ прокаркаю. Бѣда, говорю, въ домѣ, бѣда,—а ты и не чуешь, не видишь... А я-то вотъ и слѣпая, да вижу все... Можетъ, и знаешь, о чемъ говорю?

Иванъ Сергѣевичъ.

Нѣтъ, не знаю.

Домна Родіоновна.

О-Татьянѣ Алексѣевнѣ.

Иванъ Сергѣевичъ.

Матушка, уговоръ у насъ былъ, помните?

Домна Родіоновна.

Эхъ, глупый ты, глупый, Иванъ! До сѣдыхъ волосъ дожилъ, а несмышленишь все, какъ дитя малое. Объ огнѣ, что ли, молчать, когда въ домѣ пожаръ? Не отъ меня, такъ отъ людей узнаешь, — хуже будетъ. Стыда не замолчишь...

Иванъ Сергѣевичъ.

Что вы? Какой стыдъ?

Домна Родіоновна.

Двери-то заперъ ли? Поди-ка, поди сюда...

Иванъ Сергѣевичъ.

Если о Татьянѣ Алексѣевнѣ, я слушать не буду.

Домна Родіоновна.

Да чего ты хорохоришься? Смирись, Иванъ, ой, смирись, говорю: пришла бѣда — отвори ворота. Богъ посѣтилъ—отъ Бога не уйдешь. Страшно впасть въ руки Бога живого. Ну, поди же, поди сюда... Не хочешь о ней, о мачехѣ, такъ о сынѣ, о первенцѣ твоємъ, о Федорѣ...

Иванъ Сергѣевичъ.

О Федорѣ? Что такое Федоръ? Говорите же...

Домна Родіоновна.

А ты нагнись-ка, нагнись. Этакого вслухъ не скажешь. Еще, еще—вотъ такъ...

(Шепчетъ ему на ухо. Онъ слушаетъ, потомъ вдругъ выпрямляется и смотритъ на нее въ упоръ широко раскрытыми глазами, молча).

Домна Родіоновна.

Аль не вѣришь? Не вѣришь,—такъ спроси людей. Спроси Пелагею: своими глазами видѣла. Спроси Гришеньку.

Иванъ Сергѣевичъ.

Сумасшедшая!

Домна Родіоновна.

Ой, Иванъ, смотри, какъ бы тебѣ самому не рехнуться. Вотъ на, читай.

(Суетъ ему въ руки пачку писемъ. Онъ не беретъ).

Иванъ Сергѣевичъ.

Что это?

Домна Родіоновна.

Самъ увидишь—читай. Руку-то женину знаешь?

Иванъ Сергѣевичъ.

Какъ вы смѣете?

Домна Родіоновна.

Да ты чего горло дерешь, скандалишь? Аль и
впрямь ума изступилъ?

Иванъ Сергѣевичъ.

Подлая! Подлая! Подлая!

Домна Родіоновна (*вставая*).

Что? Что? Мнѣ, своей матери?.. Дочь мою, по-
койницу Машеньку, жену богоданную, на потаскуху промѣ-
нялъ, на бабу гулящую...

Иванъ Сергѣевичъ.

Молчите! Или я васъ...

Домна Родіоновна.

Ну, что-жъ, бей старуху слѣпую, вишь, рас-
храбрился!

Иванъ Сергѣевичъ.

Вонъ!

Домна Родіоновна.

Небось, не гони—сама уйду. Ноги моей больше
не будетъ въ домъ твоёмъ. Письма-то, письма возьми! (*Бро-
саетъ письма на полъ*). Можетъ, когда и прочтешь—правду
узнаешь... Пелагея! Пелагеюшка!

Голосъ Пелагеи (*изъ-за двери*).

Здѣсь, матушка!

(*Входитъ Пелагея*).

VII.

Иванъ Сергѣевичъ, Домна Родіоновна
и Пелагея.

Домна Родіоновна.

Ну, спасибо, зятюшка, за хлѣбъ, за соль, за ласку многую... Погоди, ужо обо мнѣ вспомнишь! Не слушался, хотѣлъ жить по-своему, — ну вотъ, и допрыгался... Безстыдники, безбожники, блудники окаянные! Будьте вы прокляты! Анаеема! Анаеема! Анаеема! Погибель дому сему!

(Домна Родіоновна и Пелагея уходятъ. Иванъ Сергѣевичъ сацится, опустивъ голову на руки. Входитъ Татьяна).

VIII.

Иванъ Сергѣевичъ и Татьяна.

(Татьяна, стоя въ дверяхъ, смотритъ на него молча, пристально. Потомъ подходитъ, наклоняется и подбираетъ письма съ полу).

Татьяна.

Читали?

(Онъ смотритъ на нее такъ же молча, пристально).

Татьяна.

Прочтите. *(Подаетъ ему письма. Онъ не беретъ. Она кладетъ ихъ на столъ).*

Татьяна.

Сказала вамъ?

Иванъ Сергѣевичъ.

Что сказала? Что сказала? Я ее выгналъ изъ дому!

Татьяна.

Выгнали, а все-таки... Не лгите. Я же вижу.

Иванъ Сергѣевичъ.

Таня, что ты? Таня, милая... неужели ты думаешь?..

Татьяна.

Не читали? Въ самомъ дѣлѣ? (*Дѣлаетъ быстрое движеніе, какъ будто хочетъ взять письма, но тотчасъ отдергиваетъ руку*).

Татьяна.

Такъ прочтите.

(Входитъ Федоръ).

IX.

Иванъ Сергѣевичъ, Татьяна и Федоръ.

(Татьяна идетъ къ двери и, не дойдя, опускается на стулъ, Иванъ Сергѣевичъ подходитъ къ ней).

Татьяна.

Не надо, не надо... сставьте... не трогайте... (*встаетъ*).

Иванъ Сергѣевичъ.

Таня, куда ты? Зачѣмъ, Таня, милая?..

Татьяна.

Оставьте, оставьте, оставьте!..

(Уходитъ).

Х.

Иванъ Сергѣевичъ и Федоръ.

Федоръ.

Что это?

Иванъ Сергѣевичъ.

Не знаю, Федя. *(Беретъ со стола и подаетъ ему письма)*. Вотъ на, возьми.

Федоръ.

Что это? Что это?

Иванъ Сергѣевичъ.

Письма ея къ тебѣ.

Федоръ.

Ко мнѣ? У васъ?

Иванъ Сергѣевичъ.

Да, старуха, должно быть, украла.

Федоръ.

Читали?

Иванъ Сергѣевичъ.

Нѣтъ. Возьми же. Не хочешь? (*Рветъ письма и бросаетъ*).

Федоръ.

Не вѣрите?

Иванъ Сергѣевичъ.

Чему не вѣрю? Чему не вѣрю? Чему не вѣрю? Да сговорились вы всѣ, что ли? Или съ ума сошли, въ самомъ дѣлѣ? (*Послѣ молчанія*). Ну, полно же, полно, Федя... Ну, бѣда, несчастіе... Не сумѣли уйти во время... Ну, вотъ и все... Все, Федя? Все? Что-жъ ты молчишь?.. (*Подходитъ, кладетъ ему руки на плечи и смотритъ въ лицо*).

Иванъ Сергѣевичъ.

Молчишь? Молчишь?

(Федоръ идетъ къ двери).

Иванъ Сергѣевичъ.

Федя, постой...

(Федоръ, остановившись въ дверяхъ, оглядывается).

Иванъ Сергѣевичъ.

Ну, что жъ? ну, что жъ?.. Чья же вина?..

Федоръ.

Ужъ не ваша ли?

Иванъ Сергѣевичъ.

Да, Федя, моя.

Федоръ.

Прощаете?

Иванъ Сергѣевичъ.

Я себя не прощу.

Федоръ.

А я себя прощу?

(Федоръ уходитъ).

ХІ.

Иванъ Сергѣевичъ одинъ.

Иванъ Сергѣевичъ. (*Идетъ къ двери, вдругъ останавливается и съ тихимъ стономъ хватается за голову*).

Что я сдѣлалъ! Что я сдѣлалъ! Что я сдѣлалъ!

З а н а в ѣ с ъ.

Дѣйствіе четвертое.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Первая картина).

Старинная бѣлая зала съ колоннами. Посрединѣ комнаты—круглый столъ; на немъ лампа и самоваръ. Слева—стеклянная дверь на террасу, справа—въ прихожую. Ночь.

I.

Федоръ, Татьяна и Мавра.

Мавра.

Лошади поданы, барыня. Вещи выносить прикажете?

Татьяна.

Нѣтъ, погоди. Ступай. Я скажу.

Федоръ (*смотритъ на часы*).

Половина двѣнадцатаго. Поѣздъ въ часъ съ четвертью. Пока поѣдемъ до станціи... Дорога скверная.

Мавра.

Скверная, батюшка: яма на ямѣ—не дай Богъ, случится что, костей не соберешь. И куда, на ночь глядя?

===== ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. =====

Подождали бы утречка. А то, вишь, темень какая, дождь, буря: добрый человекъ собаки не выгонитъ!

Татьяна.

Ну, хорошо. Ступай.

(Мавра уходитъ).

II.

Федоръ и Татьяна.

Федоръ.

Что же, ѣдемъ?

Татьяна.

Сейчасъ, погодите. Что-то еще надо было..
Да, письмо.

Федоръ.

Да, вѣдь, вы его двадцать разъ читали, наизусть помните.

Татьяна.

Все равно, дайте.

(Федоръ даетъ письмо. Она читаетъ).

Татьяна.

Гдѣ это, Солнышкино?

==== ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. ====

Федоръ.

Недалеко, версть тридцать.

Татьяна.

Онъ теперь тамъ?

Федоръ.

Нѣтъ, должно быть, выѣхалъ: я съ нарочнымъ отвѣтилъ.

Татьяна.

Значить, скоро здѣсь будетъ?

Федоръ.

Скоро.

Татьяна.

А вы вѣрите?

Федоръ.

Чему?

Татьяна.

Да вотъ, что онъ пишетъ, чтобъ все рѣшили сами, и какъ рѣшимъ, такъ и будетъ?

Федоръ.

Таня, опять... Зачѣмъ?.. Вѣдь, мы рѣшили...

===== ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. =====

Татьяна.

Да, рѣшили. И какъ хорошо, какъ просто! Иванъ Сергѣевичъ съ Катей въ Москву, Гриша въ монастырь къ бабушкѣ, вы въ Петербургъ, а я на озеро Лугано, въ санаторію къ доктору Шидловскому... Павелъ Павловичъ Шидловскій на озерѣ Лугано... Боже мой, какъ глупо, какъ глупо! Иногда снится, что по узкому корридору идешь, все уже да уже—надо идти и некуда—стѣны сходятся...

Федоръ.

Таня, если ѣхать...

Татьяна.

Ну, что-жъ, ѣдемъ... А ночь-то какая—добрый человекъ собаки не выгонитъ! Охъ, Федя, устала я... Вотъ, кажется, легла бы на полъ, да и лежала такъ, не двигаясь. И куда, зачѣмъ? Все равно, отъ себя не уйдешь. Развѣ ты не видишь, что пропали мы? Петля на шеѣ—хотимъ развязать узелъ и только стягиваемъ...

Федоръ.

Полно, Таня, ничего мы не знаемъ сейчасъ. Надо притти въ себя, опомниться... Ну, такъ, значитъ, не ѣдемъ?

Татьяна.

Нѣтъ, погоди... все равно, со слѣдующимъ поѣздомъ.

Федоръ.

Онъ сейчасъ будетъ здѣсь.

Татьяна.

Кто? Онъ? Нѣтъ, нѣтъ, только не онъ! Ёдемъ, ёдемъ! А, знаешь, Федя, я ему не вѣрю, а если и вѣрю, то еще хуже. Я не понимаю, что это. Добродѣтель христіанская, что ли? Ударили по правой щекѣ, подставляетъ лѣвую?... А, можетъ быть, просто глупость, чепуха какая-то, стыдная, стыдная, подлая...

Федоръ.

Не смѣй о немъ такъ, не смѣй, слышишь!

Татьяна.

А-а, вотъ что! Значить, ты его все-таки...

Федоръ.

Таня, довольно! Возьми себя въ руки. Нельзя же такъ. Въ самомъ дѣлѣ, глупо и подло. Ну, пусть пропали, — но надо же съ достоинствомъ...

Татьяна.

Съ достоинствомъ? Это не въ твоемъ духѣ, Федя. Какое ужъ достоинство!

Федоръ.

Все равно, кончать надо, рѣшить какъ-нибудь...

Татьяна.

Ну, хорошо, будемъ кончать. Позови Катю.

Федоръ.

Катю? Зачѣмъ?

Татьяна.

А ты думалъ, я не знаю? Ну, скажи, что ты ее...

Федоръ.

Ничего не скажу, ничего не знаю. Развѣ можно такъ, съ петлей на шеѣ? Я уже сказалъ: я больше никогда не увижу ее, и она это знаетъ.

Татьяна.

А все-таки, все-таки?.. Ну, скажи,—что тебѣ стоитъ?.. Не хочешь? (*Подходитъ къ двери на лѣстницу, открываетъ и зоветъ*).—Катя! Катя! Вы еще не легли? Сойдите ко мнѣ на минутку. Я сейчасъ уѣзжаю.

Федоръ.

Ты сама петлю стягиваешь.

Татьяна.

Не бойся, не на твоей шеѣ. Ну, уходи немѣшай!

(Федоръ уходитъ).

III.

Татьяна и Катя.

Катя.

Ѣдете?

===== ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. =====

Татьяна.

Бду, Катя, я хотѣла вамъ сказать на прощанье... У меня къ вамъ просьба большая—вотъ даже не знаю, какъ сказать...

Катя.

Скажите просто. Я все, что могу, сдѣлаю.

Татьяна.

Сдѣлаете? Обѣщаете?

Катя.

Обѣщаю.

Татьяна.

Катя, я, вѣдь, понимаю, объ этомъ нельзя говорить. Мнѣ самой трудно. Но если-бъ вы знали...

Катя.

Я знаю. О Федорѣ Ивановичѣ?

Татьяна.

Катя, вы его любите?

(Катя молчитъ. Татьяна опускается передъ нею на колѣни).

Татьяна.

Ради Бога, Катя, помогите, спасите меня! Одно слово, одно только слово: любите, да?

===== ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. =====

Катя.

Люблю.

Татьяна. *(обнимая станъ ея)*.

А онъ васъ?... Ну, что-жъ? Что-жъ вы молчите? Что вы на меня такъ смотрите?

(Катя отстраняетъ руки ея, встаетъ и отходитъ Татьяна тоже встаетъ и слѣдитъ за нею пристально).

Татьяна.

Испугались? Опять, какъ тогда, испугались? Не вѣрите?

Катя.

Да, не вѣрю.

Татьяна.

А все-таки отвѣтите, Катя. Вѣдь, вы обѣщали...

Катя.

Я не хочу говорить съ вами.

Татьяна.

Не хотите? Страшно?

Катя.

Не страшно, а гадко. Вы лжете. Вы тогда лгали и теперь лжете.

Татьяна.

Вотъ что! А, знаете, Катя, не будемте-ка лучше ссориться: это для насъ обѣихъ невыгодно. Куда вы? Пойдите. Мы еще не простились, какъ слѣдуетъ. Наши счеты не кончены. Вы не знаете главнаго: Федя... извините... Федоръ Ивановичъ—мой...

Катя.

Молчите! Молчите! Я знаю...

Татьяна.

Знаете? Не можетъ быть! Знаете—и все-таки... Такъ вотъ вы какая—„на аршинъ отъ земли, несуществующая, нерожденная, приживалка, втируша!“ Втерлись-таки, родились, сошли на землю—удостоили. Ну, поздравляю! А я-то считала васъ простенькой...

Катя.

Какая вы грубая!

Татьяна.

Грубая? А вы, нѣжная, не хуже насъ, грѣшныхъ, дѣлишки свои устраиваете, въ мутной водѣ рыбку ловите, моя милая дѣвочка!

Катя.

Пустите! Я не хочу быть съ вами. Пустите, или я...

Татьяна.

Или вы что? Позовете защитника. Какъ бы только рыцарь вашъ не оказался плохъ. Любить васъ, да, вѣдь, и меня любить. Обѣихъ вмѣстѣ. Невозможно? Для другихъ невозможно, а для него все возможно. Я его знаю лучше вашего. Онъ мнѣ самъ говорилъ... а, можетъ быть, и вамъ? Или ничего? Согласны и на это? Не брезгаете?..

(Входитъ Федоръ).

IV.

Татьяна, Катя и Федоръ.

Катя.

Федоръ Ивановичъ! Федоръ Ивановичъ!

Федоръ.

Что вы, Катя?

Катя.

Нѣтъ, ничего... потомъ...

(Катя уходитъ).

V.

Татьяна и Федоръ.

Федоръ.

Таня, что это?

Татьяна.

Не бойся: все, какъ слѣдуетъ. Мы съ нею кончили. Ты, вѣдь, самъ говорилъ, что надо кончать. Ну, вотъ и кончили.

Федоръ.

Да что, что такое? Что ты сказала ей?

Татьяна.

Ничего ни сказала—она и такъ знаетъ все. А ты лгать хотѣлъ? И чтобъ я покрывала, сводила васъ?.. Полно, Федя, возьми и ты себя въ руки... Ну, ѣдемъ, ѣдемъ!.. Пора. Я сейчасъ. Скажи Мавръ, чтобъ лошади, вещи...

Федоръ.

Я не ѣду.

Татьяна.

Не ѣдешь? За нее испугался? А за меня не боишься?.. Ну, что-жъ, оставайся. Жди его. Вѣдь, онъ простилъ. Было, какъ-бы не было. До свадьбы заживетъ. Все по хорошему. Ладкомъ да миркомъ. Я не Федра, ты не Ипполитъ. Съ такими, какъ мы, никогда ничего не бываетъ, кромѣ пошлости. И это значитъ—„съ достоинствомъ“. Фу! Я—грубая, безстыдная, но я бы такъ не могла...

(Федоръ идетъ къ двери. Татьяна бросается къ нему и обнимаетъ его).

Федя, Федя, милый, куда ты? Неужели такъ, не простившись? Нѣтъ, Федя, я же знаю, ты любишь меня... и ее

любишь, но, вѣдь, и меня тоже? Боишься, что обѣихъ вмѣстѣ? Ничего, не бойся: я для тебя все могу, все вынесу. Я же знаю, что вернешься ко мнѣ. Ты не можешь ее такъ любить, какъ меня. Ты для меня отца не пожалѣль, Федя, подумай,—отца!

Федоръ.

Ступай прочь! Сумасшедшая... *(Отталкиваетъ ее).*

(Татьяна падаетъ на колѣни и обнимаетъ ноги его).

Татьяна.

Нѣтъ, Федя, нѣтъ, не гони! Пусть сумасшедшая, но, вѣдь, и я человѣкъ. Нельзя же такъ, какъ собаку... Федя, сжался! Ну, хочешь, умремъ вмѣстѣ сейчасъ? Хочешь? Пойдемъ туда, къ тебѣ... въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ, мальчикъ мой, родной, любимый, единственный!

Федоръ.

Уходи! Уходи! Уходи! *(Вынимаетъ револьверъ).*

Татьяна.

Постой, Федя, не надо... иду, иду...

Федоръ. *(прячетъ револьверъ, идетъ къ двери и открываетъ ее).*

Мавра! Мавра! Велите вещи выносить, барыня ѣдетъ.

(Татьяна проходитъ мимо него и останавливается).

Татьяна.

Федя...

Федоръ.

Ступай! Ступай!

Татьяна.

А все-таки помни: вернешься ко мнѣ. До свиданья! До свиданья!

(Татьяна уходитъ).

VI.

Федоръ (*одинъ*).

(За дверью голоса и топотъ шаговъ. Потомъ стукъ колесъ и звонъ колокольчика. Федоръ открываетъ стеклянную дверь на террасу. Вѣтеръ врывается въ комнату. Лампа мерцаетъ, меркнетъ, почти гаснетъ. Онъ вглядывается въ темноту и прислушивается. Колокольчикъ затихаетъ вдали. Входитъ Катя).

VII.

Федоръ и Катя.

Катя.

Федоръ Ивановичъ, гдѣ вы?

Федоръ.

Здѣсь, Катя.

===== ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. =====

К а т я.

Что вы дѣлаете?

Ф е д о р ъ.

Ничего. Жду. Колокольчикъ—слышите?

К а т я.

Татьяна Алексѣевна?

Ф е д о р ъ.

Нѣтъ, онъ.

К а т я.

Кто? Иванъ Сергѣевичъ?

Ф е д о р ъ.

Да, отъ Солнышкина. Слышите?

К а т я.

Ничего не слышу.

Ф е д о р ъ.

Странно. Чудится мнѣ, что-ли?.. Вотъ, вотъ
опять...

К а т я.

Нѣтъ, только вѣтеръ и дождь.

===== ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. =====

Федоръ.

Да, вѣтеръ и дождь. Какая ночь! Добрый человекъ собаки не выгонитъ... Ну, я пойду, Катя...

Катя.

Куда?

Федоръ.

Къ себѣ, въ Эрмитажъ.

Катя.

Не уходите, Федоръ Ивановичъ. Страшно...

Федоръ.

Страшно? Отчего же страшно?

Катя.

Не знаю. Не уходите!

Федоръ.

Она вамъ сказала?

Катя.

Сказала.

Федоръ.

И что люблю обѣихъ вмѣстѣ? А развѣ можно обѣихъ вмѣстѣ даже такому, какъ я, развѣ можно, Катя?

К а т я.

Нельзя.

Ф е д о р ъ.

Такъ какъ же?

К а т я.

Вы одну любите.

Ф е д о р ъ.

Кого?

К а т я.

Не знаю.

Ф е д о р ъ.

Не знаете? И вы, Катя, не знаете?.. Я тутъ сейчасъ едва не убилъ ее, какъ собаку. Какъ собаку, выгнать... и все-таки люблю?

К а т я.

Можетъ быть, любите.

Ф е д о р ъ.

И къ ней вернусь? Отъ васъ—къ ней? Или къ другой—все равно. И другая—тоже она. Она одна—всегда, вездѣ. Только вы и она. Обѣихъ вмѣстѣ нельзя, а одну не могу... Уйдите, Катя. Видите, я брежу, съ ума схожу... Уйдите!

К а т я.

Нѣтъ, не уйду.

Ф е д о р ь.

Прощаете? И вы прощаете, какъ онъ?.. И съ этимъ жить? Кто прощаетъ врагу, собираетъ горящіе угли на голову его. На головѣ „макаки“—угли горящіе... И вы смотрите и жалѣете. И Таня жалѣла. Тутъ вы съ нею... Катя, зачѣмъ вы меня слушаете? Уйдите же... (*Молчаніе*). Вотъ опять! Слышите? Неужели и теперь не слышите?

К а т я.

Да, слышу: ѣдутъ. Далеко.

Ф е д о р ь.

Нѣтъ, близко. Вотъ, вотъ, какъ близко, слышите?

К а т я.

Что съ вами, Федоръ Ивановичъ?

Ф е д о р ь.

Боюсь, Катя, охъ, какъ боюсь! Лица его боюсь... Мнѣ все одно и то же снится: будто я съ нею, и онъ тутъ же, но мы его не видимъ, а только знаемъ, что онъ. Я когда-нибудь съ ума сойду, умру во снѣ отъ ужаса... Ну, скорѣе, скорѣе, Катя, прощайте! Прощай, милая, радость моя! Какія у тебя волосы! Если ихъ распустить, — будетъ дождь золотой—солнце сквозь дождь...

К а т я.

Что ты, Федя, какъ-будто навѣки прощаешься?

Ф е д о р ъ.

Навѣки? Нѣтъ, увидимся. Помнишь, дождь золотой? Помнишь радугу? Уснемъ отъ печали—проснемся отъ радости. Будетъ радость, будетъ радость! Перекрести же меня, поцѣлуй. Вотъ такъ. Ну, а теперь...

(Слышенъ звонъ колокольчика и стукъ колесъ).

К а т я.

Куда ты, Федя?

Ф е д о р ъ.

Онъ! Онъ! Ступай къ нему, скажи ему все,— какъ я люблю его, какъ я васъ всѣхъ люблю... Не пускай его ко мнѣ... скажи, что я уѣхалъ... Я не могу съ нимъ— съ ума сойду, умру отъ ужаса... Ступай же, ступай, ступай, если любишь меня!

(За дверью слышенъ голосъ Ивана Сергѣевича. Катя уходитъ).

VIII.

Ф е д о р ъ одинъ.

(Идетъ на террасу, вынимаетъ револьверъ. Оглядывается, прислушивается. За дверью голоса Ивана Сергѣевича и Кати. Федоръ выбѣгаетъ въ садъ. Комната нѣсколько минутъ остается пустою. Потомъ входитъ Иванъ Сергѣевичъ и Катя.)

IX.

Иванъ Сергѣевичъ и Катя.

Иванъ Сергѣевичъ.

Уѣхала? И онъ съ нею?... Катя, неправда!
Онъ здѣсь. Не хочетъ видѣть меня. Все равно, пойдёмъ
къ нему. Гдѣ онъ?

Катя.

Нѣтъ, не надо... постойте...

Иванъ Сергѣевичъ.

Почему не надо? Что съ нимъ? Гдѣ онъ?

(Изъ сада, сквозь шумъ дождя и вѣтра, слышенъ
далекій, глухой выстрѣлъ).

Иванъ Сергѣевичъ.

Что это? Что это?

(Катя стоитъ неподвижно. Потомъ вдругъ выбѣ-
гаетъ на террасу и въ садъ).

Катя.

Оедя! Оедя! Оедя!

З а н а в ѣ с ѣ .

Вторая картина.

Терраса съ колоннами, та же, что въ первомъ дѣйстви. Поздняя осень. Деревья сада полуголыя. Дорожки усыпаны желтыми листьями.
Вечеръ. Благовѣсть.

I.

Гриша и Катя.

Гриша сидитъ въ саду на скамейкѣ и читаетъ письмо. Катя идетъ съ террасы въ садъ и проходитъ мимо Гриши.

Гриша.

Куда вы, Катя?

Катя.

Никуда—въ садъ. Хочу пройтись.

Гриша.

Можно съ вами?

Катя.

Можно...

Гриша.

Вы говорите: можно,—какъ будто нельзя.

Катя.

Я къ Оедѣ на могилу, а вы туда не ходите.

===== ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. =====

Гриша.

Ну, ступайте.

Катя.

Вы что-то хотѣли мнѣ сказать?

Гриша..

Да, хотѣлъ.

Катя.

Говорите, я слушаю.

Гриша.

Отъ Татьяны Алексѣевны письмо.

Катя.

А-а. Ну, что-же?

Гриша.

Все то же. Денегъ просить.

Катя.

Опять денегъ?

Гриша.

Да. Собирается на сцену, кажется, „Федру“
хочетъ играть. И еще о „святости искусства“ пишетъ, о
„красотѣ и вѣчности“...

К а т я.

Объ этомъ вы и говорить со мной хотѣли?

Г р и ш а.

Нѣтъ, не объ этомъ.

К а т я.

Такъ о чемъ же? Что это вы, Гриша, все съ подходцемъ—ужь лучше бы по-просту...

Г р и ш а.

Я уѣзжаю, Катя...

К а т я.

Въ монастырь, къ бабушкѣ?

Г р и ш а.

Да, сначала къ ней, а потомъ куда старецъ пошлетъ.

К а т я.

Ну, что-жъ, съ Богомъ. Вѣдь, вы давно рѣшили?

Г р и ш а.

Рѣшилъ, но вотъ не знаю, какъ отцу сказать.

К а т я.

Жалко, что-ли? Полно, Гриша, что за жалость! Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. Кончайте, что начали. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Г р и ш а.

„Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе?“ (*Катя молчитъ*). Вамъ тяжело говорить со мною, Катя?

К а т я.

Тяжело, да... и ненужно. Мы все равно не поймемъ другъ друга... Ваша бѣда, Гриша, что вы кое-что имѣете, но больше берете на себя, чѣмъ имѣете.

Г р и ш а.

Беру, что даютъ.

К а т я.

Кто даетъ? Старецъ, бабушка?

Г р и ш а.

Да, они, а черезъ нихъ—милліоны, вѣка и народы.

К а т я.

Ну, вѣка и народы уже не съ вами.

Г р и ш а.

Были и будутъ съ нами.

Катя.

А если не будутъ,—огнемъ истребятся?

Гриша.

Это не я сказалъ.

Катя.

Но вы не пожалѣете, какъ брата не пожалѣли?

Гриша.

Не говорите о братѣ. Вы не знаете...

Катя.

А вы знаете—и успокоились, умыли руки? Не ваша воля? Опять старецъ да бабушка? И совѣсть не ваша? Святое послушаніе, смиреніе, вѣнецъ христіанской добродѣтели?

Гриша.

Ничего, ничего вы не знаете, Катя,—муки моей не знаете...

Катя.

Отъ кого мука? Ужъ не отъ Того ли, чье имя вы такъ легко называете?

Гриша.

А вы и назвать не хотите?

===== ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. =====

К а т я.

Не хочу при васъ. Для Него вы и брата убили?

Г р и ш а.

Что вы говорите, что вы говорите, Катя?

К а т я.

Говорить нельзя, а дѣлать можно? Говорить: Господи! Господи!—и дѣлать то, что вы съ братомъ сдѣлали...

Г р и ш а.

Богъ съ вами, Катя! Можетъ быть, когда-нибудь...

К а т я.

Нѣтъ, никогда... А вамъ казалось, Гриша, что вы меня любите?

Г р и ш а.

Я васъ любилъ и теперь люблю.

К а т я.

Ну, такъ помните: никогда, никогда не прощу! Ступайте. Вотъ Иванъ Сергѣевичъ. Ступайте же!

(Иванъ Сергѣевичъ выходитъ изъ дома на террасу).

II.

Гриша, Катя и Иванъ Сергѣевичъ.

Катя.

Иванъ Сергѣевичъ, постойте! (*Взбѣгаетъ на террасу и хочетъ взять его подъ руку*).

Иванъ Сергѣевичъ.

Полно, Катя: ноги еще носятъ, слава Богу! Я сегодня молодцомъ—видишь, погулять захотѣлось.

(Иванъ Сергѣевичъ идетъ въ садъ. Катя усаживаетъ его на скамейку).

Катя.

Не сыро ли? хотите что-нибудь на ноги? Я сбѣгаю.

Иванъ Сергѣевичъ.

Нѣтъ, тепло, хорошо. Не суетись... И что ты со мною все, какъ съ маленькимъ, няньчишься?

Катя.

А вы не капризничайте. Лѣкарство приняли?

Иванъ Сергѣевичъ.

Ну ихъ! Этакій вечеръ да воздухъ лучше всѣхъ лѣкарствъ.

Гриша. (*Встаетъ и цѣлуетъ отца*).

Доброй ночи, папа.

Иванъ Сергѣевичъ.

Опять къ старцу, Гриша?

Гриша.

Да. Можетъ быть, поздно вернусь или переночую въ обители... (*Послѣ молчанія, съ усиленіемъ, тяжело и порывисто*). Папа, а что же мнѣ старцу сказать?

Иванъ Сергѣевичъ.

О чемъ?

Гриша.

Да вотъ, что къ бабушкѣ ѣду, можетъ быть, университетъ брошу, а тамъ въ монахи или въ священники...

Иванъ Сергѣевичъ.

Ну, такъ что же, Гриша? Въ чемъ дѣло?

Гриша.

Я уже вамъ говорилъ: безъ вашего согласія старецъ не благословитъ... не отпуститъ меня.

Иванъ Сергѣевичъ.

Что ты, Гриша, Богъ съ тобой! Да развѣ я когда-нибудь мѣшалъ тебѣ жить по-своему?.. И неужели твой старецъ не понимаетъ? Ну, если не понимаетъ, такъ скажи ему: согласенъ, согласенъ на все.

Гриша.

Папа, я бы и самъ не хотѣлъ противъ вашей воли...

Иванъ Сергѣевичъ.

Нѣтъ, Гриша, должно быть, и мы другъ друга не понимаемъ, или я не умѣю сказать.

Катя.

Полно, Гриша! Ну, зачѣмъ вы опять?.. Ступайте...

Иванъ Сергѣевичъ.

Постой, Катя... Гриша, я не могу, не умѣю, вотъ какъ онъ, твой старецъ,—словъ у меня такихъ нѣтъ... но я тебя и безъ словъ... мальчикъ мой милый, родной мой, единственный... я же люблю тебя, вѣрю въ тебя, знаю, что хочешь добраго. Ну живи, по-своему, по душѣ, по совѣсти... Ну, Господь съ тобой! Господь съ тобой!

(Иванъ Сергѣевичъ обнимаетъ Гришу. Тотъ цѣлуетъ его и быстро уходитъ, какъ будто убѣгаетъ).

III.

Иванъ Сергѣевичъ и Катя.

(Катя садится рядомъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, беретъ голову его, кладетъ себѣ на плечо и ласкаетъ, гладитъ волосы).

Иванъ Сергѣевичъ.

Ну, вотъ и онъ ушелъ. Одни мы съ тобою остались, Катя. А потомъ и ты... Вѣдь, и тебѣ пора...

Катя.

Не надо, милый... Зачѣмъ? Вы знаете, что я отъ васъ не уйду.

Иванъ Сергѣевичъ.

Что ты, Катя! Не вѣкъ же тебѣ со мной, старикомъ, вѣковать. У тебя своя жизнь—вся жизнь впереди, а я... Ну, да и я здѣсь не останусь. Пусто, холодно—весь домъ точно вымеръ. Бабушка-то, помнишь, все каркала: „быть худу! быть худу!“—вотъ и накаркала... Пусто,—только могила безкрестная... Да хоть бы и не пусто... Нельзя мнѣ здѣсь оставаться. Вотъ подлечусь немножко и опять на работу. Опять къ нимъ, къ вѣрнымъ друзьямъ, на вѣрное дѣло. Съ ними началъ жизнь, съ ними и кончу. Ужъ теперь никуда не уйду...

Катя.

И я, и я съ вами! Какъ же вы не видите, что я къ тому же пришла, что и я ужъ никуда не уйду, и некуда больше. Если бы вы знали, что вы для меня сдѣлали!

Иванъ Сергѣевичъ.

Я для тебя?

Катя.

Ну да, вы. О самоубійствѣ, помните? Какъ я мучилась тогда! Главное—тѣмъ, что тутъ правда съ ложью сплелась...

Иванъ Сергѣевичъ.

Какая-же правда въ самоубійствѣ?

Катя.

Да нѣтъ, не въ самоубійствѣ! А чтобы душу потерять: кто душу свою не потеряетъ, тотъ и не сбережетъ ее... Какъ я мучилась тогда, понять не могла, а вотъ теперь понимаю!

Иванъ Сергѣевичъ.

Да, ты объ этомъ! Знаешь, Катя, какъ странно... вѣдь и я все думалъ, когда еще съ ними, съ прежними друзьями былъ,—что это значитъ: потерять—сберечь душу. Думалъ, понять хотѣлъ... (*Помолчавъ*). И, знаешь, развѣ они... не такіе-же были? Не самоубійцы, нѣтъ, а вотъ... жертвенные, подвижники, „града взыскующіе“... Новаго града—прежде всего, а о себѣ и о душѣ своей не думали.

Катя.

Видите, видите, поняли, лучше моего знаете!

Иванъ Сергѣевичъ.

Нѣтъ, Катя, не знаю, ничего я не знаю. Тогда, вѣдь, запутался,—можетъ быть, потому и ушелъ отъ нихъ.

Катя.

А теперь къ нимъ же вернетесь?

Иванъ Сергѣевичъ

Вернусь. Откуда ушелъ, туда и вернусь—на то же мѣсто. Не могу не вернуться.

К а т я.

Нѣтъ, не на то: теперь ужъ все не то—все по новому.

И в а н ъ С е р г ѣ в и ч ъ.

Не знаю, Катя. Хорошо, если и по новому. Хорошо по той же лѣстницѣ вверхъ итти, если силъ хватить.

К а т я.

Да, вверхъ, вверхъ—и вмѣстѣ!

И в а н ъ С е р г ѣ в и ч ъ.

Катя, неужели правда, что ты... что вы, новые, молодые, такіе, какъ ты,—съ нами вотъ въ этомъ, главномъ? Въ дѣланыи жизни новой, въ твореныи правды общей, въ любви къ свободѣ. До жертвы, до смерти любовь, ты понимаешь?

К а т я.

Да, съ вами, съ вами въ этой любви, въ этой борьбѣ на вѣки вѣковъ!

И в а н ъ С е р г ѣ в и ч ъ.

А если и тамъ опять—будутъ только могилы безкrestныя?

К а т я.

Пусть могилы—изъ могилъ встанутъ мертвые.

Иванъ Сергѣевичъ.

А Гриша думаетъ...

Катя.

Пусть думаетъ, пусть берегаетъ душу свою.

Иванъ Сергѣевичъ.

Да, вѣдь, и я берегалъ. Можетъ быть, за то и наказанъ... А ты думаешь, тѣ-то, живые, поймутъ?

Катя.

Вѣдь, вы же поняли.

Иванъ Сергѣевичъ.

Понялъ ли?... Ну, дай Богъ часъ!

Катя.

Какъ вы хорошо сказали, милый!

Иванъ Сергѣевичъ.

Что?

Катя.

Да вотъ это: дай Богъ.

Иванъ Сергѣевичъ.

А-а, насчетъ Бога. Ну, это я такъ, нечаянно.

==== ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. ====

К а т я.

И хорошо, что нечаянно.

И в а н ь С е р г ѣ в и ч ъ.

Хорошо? Да, вотъ какъ смотрю на тебя,—все хорошо, и кажется, что будетъ радость...

(К а т я закрываетъ лицо руками).

Что ты, Катя, милая?

К а т я.

Ничего...

И в а н ь С е р г ѣ в и ч ъ.

Нѣтъ, скажи, а то, въ самомъ дѣлѣ, подумаю, что не понялъ...

К а т я.

Поняли, поняли! А это я оттого, что вы сейчасъ, какъ онъ...

И в а н ь С е р г ѣ в и ч ъ.

Кто? Оедя?

К а т я.

Да. Тѣми же словами, какъ онъ, о радости— вотъ, что „будетъ радость“...

===== ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. =====

Иванъ Сергѣевичъ.

Какъ онъ? Ну, такъ что же? И хорошо, что какъ онъ, что вмѣстѣ съ нимъ?

Катя.

Да, вмѣстѣ! Я же вамъ говорила, что вмѣстѣ. Всѣ вмѣстѣ.

Иванъ Сергѣевичъ.

Катя, Катя, вотъ смотрю на тебя, и кажется, что будетъ радость, а отчего—не знаю.

Катя.

Нѣтъ, знаете.

Иванъ Сергѣевичъ.

Отъ чуда, отъ вашего чуда, что ли?

Катя.

Не отъ нашего, а оттого, что наше чудо и ваше—одно.

(Молчаніе. Сумерки. Такая тишина, что слышно, какъ желтые листья падаютъ).

Иванъ Сергѣевичъ.

Катя, пойдѣмъ къ нему.

===== ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. =====

К а т я.

Лучше завтра. Устали вы...

И в а н ь С е р г ѣ в и ч ъ.

Нѣтъ, сейчасъ. Мнѣ сейчасъ хорошо. Не бойся. Гриша боится, думаетъ, могила безкрестная, — значитъ, проклятая, а, вѣдь, мы такъ не думаемъ? Ну, и пойдёмъ. Поплачемъ—ничего, что поплачемъ—все-таки... будетъ радость.

К а т я. *(Обнимаетъ и цѣлуетъ его).*

Да, милый, будетъ радость, будетъ радость!

З а н а в ѣ с ь.